

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВ

**ДВЕРЬ
В ЗАЗЕРКАЛЬЕ**
КНИГА 2

Аннотация

Наша жизнь дискретна и состоит из сравнительно небольшого количества значимых эпизодов, которые будучи последовательно объединенными во временной ряд, создают образ конкретного человека. Так двадцать четыре статических кадра, проходя за секунду перед глазами зрителя, образуют иллюзию осмысленного движения. И точно так же предлагаемые читателю короткие истории, расположенные условно в хронологическом порядке, раскрывают особенности эволюции сознания человека. Взрослея, он постепенно начинает понимать, насколько бесконечен и таинственен окружающий его мир, в котором сложным образом соприкасаются судьбы людей.

Александр Николаев Дверь в Зазеркалье

КНИГА ВТОРАЯ Игра закрытого разума, или письма к Матильде

Игра — вид осмысленной непродуктивной деятельности, где мотив лежит не только в результате, но и в самом процессе.

Википедия

1. Страсть к литературе (Письмо первое к несравненной Матильде)

Когда-то давно одна девушка призналась мне, что в детстве хотела, чтобы её звали Матильда. Было для неё в этом имени что-то нездешнее, завораживающее. С тех пор прошло довольно много времени. Девушка стала взрослой и смирилась со своим настоящим именем. А вот я не забыл, как ни странно, и всё ещё иногда пишу письма той несуществующей женщине по имени Матильда.

А.Н.

Дорогая Матильда, я уверен, что Вы были немало удивлены, увидев на конверте мою фамилию: почему, после стольких лет молчания, я вдруг решился написать Вам? Признаться, я и сам не нахожу внятного объяснения своему поступку. Казалось, много лет назад мы всё сказали друг другу, сказали достаточно для того, чтобы расстаться навсегда. Однако незаметно прошли годы, выросли дети, изменился окружающий нас мир, мы стали иными, и я ловлю себя на том, что всё чаще вспоминаю Ваше лицо, слышу Ваш смех и вспоминаю те дни, когда мы были молоды и необыкновенно счастливы. И теперь, с высоты прожитых лет, причины, послужившие тогда поводом для расставания, кажутся мне мелкими и недостойными внимания.

Я долго не мог решиться, но, в конце концов, всё же написал это письмо. Надеюсь, Вы найдёте в себе силы прочитать его и простите мне те слова, сказанные по молодости лет сгоряча и необдуманно. Я буду рад, если это случится и сам факт ответного письма стану расценивать, как Ваше желание возобновить наши отношения, теперь уже на эпистолярном, ни к чему не обязывающем, уровне.

Надеясь на это, хочу сказать, что после нашей разлуки жизнь моя протекала без особенностей. Университет, как ни странно, практически не оставил в памяти ничего такого, что было бы достойно внимания. Да, и последующие годы не были богаты событиями, которые следовало бы считать знаковыми. Я, как и все, вырослел, двигался по служебной лестнице, решал

неизбежно возникающие при этом проблемы. То есть всё, как у всех...

Однако нет в этом мире двух одинаковых судеб. Каждый из нас счастлив и несчастлив особенным, только ему присущим, образом. И, принимая это во внимание, я хочу поделиться с Вами портретами тех необычных людей, которые оставили след в моей судьбе, некоторыми происшествиями, которые могли произойти — и произошли — только со мной и ни с кем другим, мыслями, по разным причинам занимающим сейчас моё воображение. Словом, поделиться всем, благодаря чему я стал тем, кого по прошествии многих лет представляю сегодня.

Если Вы не станете возражать, я, располагая временем, попытаюсь сообщить своим письмам характер литературного повествования, даже некоторой фантазийности, для придания им живости и для того, чтобы Вы могли ярче воспроизвести в своём сознании мою жизнь на фоне нашего общего времени, которое, словно песок в часах, неотвратимо перетекает из одного сосуда в другой, из верхнего в нижний.

Мой друг, о котором речь пойдёт ниже, был, есть и навсегда останется в моей памяти, как один из тех немногих кристально честных и чистых людей, благодаря которым наш безумный мир всё ещё не постигла участь библейских Содома и Гоморры. Вот эта небольшая история, рассказанная по разным соображениям как-бы от его имени.

Глядя на мир, нельзя не удивляться!

Козьма Прутков

Меня зовут Александр Синберг. Если внимательно исследовать структуру моей фамилии, то даже неискущённому человеку станет ясно, что мои далёкие предки в незапамятные времена обитали где-то в районе Синайских гор. Это и наложило отпечаток на мою внешность: карие глаза, слегка вьющиеся волосы, смуглая кожа. При среднем росте я имею довольно плотное телосложение, а от уходящей вглубь веков генетической цепочки мне достались крепкие, слегка согнутые ноги и чуть более длинные, чем хотелось бы, руки. Обладая такими особенностями, я по просьбе друзей в узкой компании охотно изображаю ту самую обезьяну, от которой, если верить Дарвину, все мы когда-то произошли. Мне трудно судить о своих артистических способностях, но говорят, что сходство просто разительное, причём оно становится тем более существенным, чем больше мы перед этим выпили. Отсюда я делаю два вывода: во-первых, алкоголь в больших количествах однозначно вреден, а, во-вторых, как ни прискорбно это осознавать, знаменитый англичанин, похоже, в чём-то был прав.

Имя же, которое я ношу, и которым, кстати, вполне доволен, в отличие от фамилии досталось мне совершенно случайно. Мои родители по ряду

обстоятельств создали семью в довольно зрелом возрасте. Когда я родился, моя мама ещё долго приходила в себя после этого события, и отец вынужден был самостоятельно принимать решение о том, какое же имя следует дать своему единственному сыну. Будучи человеком прямолинейным, он не стал делать из этого проблему и решил назвать меня в честь деда, который в полном соответствии со спецификой Одессы, откуда был родом, носил красивое, по его же разумению, имя Бенцион.

Девушка в загсе, куда пришёл отец с целью узаконить моё пребывание в этом несовершенном мире, долго не могла понять чего хочет этот немолодой человек. Постепенно до неё дошло, что новорождённого мальчика, который в силу юного возраста не может отстаивать свои права, хотят назвать каким-то Бенционом, и тогда она пришла в состояние крайнего негодования. Отцу самым строгим голосом было заявлено, что такого имени в природе не существует и не нужно ей морочить голову столь замысловатым образом.

Здесь я должен остановиться и заметить, что мой отец, коммунист до мозга костей, при росте в сто восемьдесят пять сантиметров и нехилом телосложении закончил боевые действия в звании полковника, командуя бронепоездом. То есть, его трудно было заподозрить в отсутствии характера,

но стоило ему столкнуться с женщиной, особенно маленького роста, была у человека такая фишка, он терялся и ни в чём не мог ей перечить. Поэтому в ответ на замечание пигалицы из загса, которую с трудом можно было заметить за официальным столом, он всего лишь робко спросил:

— И как же нам его назвать?

— Да очень просто, — ответила официальная девушка, имя которой, к сожалению, осталось неизвестным, — назовите Александром, а дома будете звать мальчика просто — Саша.

На том и порешили. Так я стал Александром, хотя при другом раскладе запросто стать Беней, что, сказать честно, вряд ли украсило бы мою жизнь. Ведь не напрасно же говорят, что имя серьёзно влияет на судьбу человека.

Сейчас мне двадцать пять лет, и я всю свою сознательную жизнь провёл в большом городе на Днепре. Здесь я окончил школу, потом институт, а сейчас работаю на одном из заводов в должности заместителя начальника цеха. Та ещё должность, я вам доложу: подъём в пять утра, отбой в десять вечера. А между этими временными метками или сплошная работа, или подготовка к ней. Здесь же живут все мои друзья детства: Бутуз, Сёмка, Марик, Светка, Ленка, Герка, Борька. Они родились и выросли неподалёку, а сейчас занимаются каждый своим делом. Кто-то окончил институт, кто-то сразу

после школы пошёл работать, а кто-то, есть и такие, с головой погрузился в теневой бизнес.

Наш район расположен на склоне холма неподалёку от центра города. Он представляет собой совокупность кривых улочек с остатками булыжных мостовых и довольно старых одноэтажных домов, в которых живут преимущественно люди одной со мной национальности, то есть евреи. Так уж случилось по жизни. Как говорят, случайное стечение обстоятельств. Такое же случайное, как и обрётённое мною во младенчестве имя.

Для меня принадлежность к богоизбранной нации не является чем-то определяющим. Хотя, не стану скрывать, понимание того, что многие выдающиеся умы, оказавшие существенное влияние на ход истории, и я принадлежим к одному народу, доставляет, по меньшей мере, удовлетворение. И это удовлетворение, если уж быть до конца откровенным, где-то там, в глубине сознания, всё же накладывает свой отпечаток на психологию, заставляя невольно стоять как-бы чуть в стороне от остального человечества, ощущая свою неординаковость.

Впрочем, повторяю, если говорить обо мне лично, то я всегда считал и считаю сейчас, что принадлежность к моему народу автоматически не даёт право её обладателю считать себя умнее или

лучше других людей. Среди нас, как и везде, встречаются разные особи, в том числе и такие, рядом с которыми я не хотел бы даже стоять рядом. С равным, или почти равным, успехом можно найти огромное количество приличных, как говорит моя мама, людей и среди других национальностей. На самом деле суть не в том, к какому народу ты принадлежишь, а в том, насколько ты независимо от этого можешь считаться человеком в высоком смысле этого непростого слова.

Вот уже четыре года как я женат. Мою жену зовут Генриетта, но она охотно отзывается на более простое имя — Гета. Нашей дочери Элине три года. Само собой разумеется, что у Геты есть папа, мама, то есть мои тесть и тёща, и даже довольно древняя бабушка, которая умудрилась прожить всю жизнь в русскоязычном городе, но при этом предпочитала говорить на идише. Дом, в котором мы живём, долгое время строился по частям, по мере того, как у родителей появлялись деньги. В связи с этим он имеет сложную конфигурацию и достаточно условно разделён на две части: в одной находимся мы втроём, в другой — мои родители. Мои старики получают пенсию, которой в целом хватает на жизнь, но для свободы финансового манёвра мать вот уже несколько лет сдаёт две комнаты внаём молодым семьям без детей. В настоящее время одна из комнат пустует, хотя я слышал, что какие-то

молодые ребята уже договорились о цене и условиях проживания, оставили задаток и собираются вскоре поселиться в нашем доме на родительской половине.

За окнами дней десять как стоит удивительно мягкий сентябрь. Ещё по-летнему солнечно и тепло, но дни уже стали существенно короче, а ночи, увы, длиннее и прохладнее. Естественное течение жизни... Как-то ранним субботним утром я, имея в качестве одежды одни лишь трусы, приводил в порядок входную дверь, когда вдруг скрипнула калитка, и во двор зашёл стройный темноволосый парень не нашей наружности, но, опять же, пользуясь маминым определением, приличного внешнего вида. В руках он нёс антикварного качества чемодан и большую связку книг.

— Привет, — сказал он, ставя свой груз на плотный ковёр спорыша, которым был покрыты все три сотки земли перед домом, — ты сын Веры Исааковны, надо полагать?

— Да, — не стал скрывать я очевидный факт, принимая во внимание свою форму одежды и род занятий, — а вы, как я догадываюсь, наши новые жильцы?

Парень улыбнулся и протянул руку:

— Ты угадал, мы ваши новые жильцы. Жена подъедет попозже, а я займу комнату уже сегодня, если нет возражений. Кстати, меня зовут очень

просто — Александр.

Я пожал протянутую мне руку, глядя в его весёлые глаза, и в свою очередь представился:

— Тоже Александр, порой удивляюсь тому, насколько популярно было это имя четверть века назад.

Он коротко рассмеялся:

— Да уж, Александров на самом деле довольно много, но, признаться, меня это имя устраивает. Я как-то привык к нему за последние двадцать пять лет, и, сказать честно, уже не мыслю себя кем-то другим.

Я подумал о возможности стать Бенционом, усмехнулся и сказал:

— Давай помогу донести книги. О, я смотрю у тебя здесь Тарле. Классно пишет академик, у меня, кстати, есть его «Наполеон», читал?

— Нет, не читал. У меня здесь «Северная война» и «Южная война», я вообще-то собираю книги об эпохе Петра Первого. Конкретный был император, мне очень нравится то, как жил и действовал этот человек. Время будет, поговорим об этом подробнее.

Я проводил его в комнату и не стал мешать новому жильцу обустраиваться. Тот сделал ещё несколько ходок на прежнюю квартиру, а уже к вечеру у всех в доме сложилось впечатление, будто он жил здесь всегда. Впоследствии я не раз

удивлялся тому, насколько легко он сходился с людьми самого разного внутреннего устройства. Я просто не помню человека, который даже после недолгого общения с ним не считал бы его своим если не другом, то, по крайней мере, приятелем.

Тем же вечером мы с женой шли в кинотеатр и пригласили его с собой. Возвращались поздно вечером. По дороге переговорили о самых разных вещах. Новый постоялец моей мамы оказался хорошо образованным и начитанным человеком. С ним было интересно, такой вердикт вынесла моя Гета, когда мы ложились спать.

Через неделю приехала и его жена. Она оказалась красивой и удивительно молодой даже для своего возраста миниатюрной женщиной, которая пару месяцев назад окончила институт и получила распределение в техникум, что находился неподалёку от нас. Сам он работал в НИИ горного профиля, куда попал сразу после института. Оба они как-то быстро и естественно влились в нашу компанию, которая сформировалась ещё в школе. Мы незаметно стали называть друг друга коллегами, как это было принято на западе Украины, где жили и работали родители Наташи, так звали жену моего тёзки.

Быстро покатилося время, заполненное работой и домашними хлопотами. Миновала осень, затем зима и стало близиться долгожданное лето.

Как-то субботним майским днём мы с моим новым другом случайно встретились в центре города и решили от нечего делать пройтись по центральному проспекту, обсуждая не так давно возникшую тему, которая касалась определения сути такого привычного и, казалось, простого на первый взгляд понятия, как «ум». Что это за категория и как она связана с сознанием? Кого можно считать умным человеком, а какого нет? Где та зыбкая грань, за которой начинается безумие? Мы перерыли немало литературы по этому поводу, начав с Гельвеция, и нам было о чём поговорить.

Увлечённые беседой, мы незаметно подошли к универмагу. В угловом доме за ним у магазина «Подписная книга» виднелась длинная очередь. Обычно это упорядоченное скопление людей ассоциируется в обществе с понятием «дефицит». Значит там или уже предлагают что-то весьма востребованное, или собираются это делать. Влекомые любопытством подошли и мы. Оказалось, что идёт запись в очередь на подписное издание Дюма-отца. Книги я и мой друг обожали и поэтому, не долго думая, удлиннили цепочку оживлённо беседующих людей на наши две персоны. Прошло, примерно, минут через сорок, и мы, отойдя чуть в сторону, с любопытством разглядывали два картонных квадратика, на которых с потугой на каллиграфию были

изображены четырёхзначные числа: 1021 у меня и 1022 у коллеги.

— Ну, и что это означает? —
полюбопытствовал я.

— А то и означает, — объяснила нам стоявшая неподалёку бодренькая старушка, — что вот вы, например, в очереди находитесь на 1021 месте. Переключка происходит каждое воскресенье на этом же месте в двенадцать часов. Постарайтесь не опоздать, иначе потеряете своё право на подписку.

— Простите, — обратился я к ней, — а сколько всего экземпляров ожидается?

— Если не ошибаюсь, двести пятьдесят.

Мы переглянулись и снова затронули старушку:

— Тогда не понятно, на что рассчитывают те, кто имеет номер, скажем, триста?

— Ну, всякое случается на переключках: кто-то передумал, кто-то опоздал, а кто-то и вовсе умер...

— Это очень серьёзные аргументы, особенно последний, — мгновенно отреагировал мой друг, — а вы давно участвуете в таких мероприятиях?

— О, ребятки, да уже почитай лет десять. Чего только я не насмотрелась здесь, знали бы вы, какие страсти кипели на этом асфальте, романы писать можно.

— И, что много книг вы подписали таким образом?

— Немного, но кое-что есть, — с гордостью заметила она.

Поблагодарив старушку за информацию, мы отошли в сторону и стали наблюдать за оживлённо беседующими вокруг людьми. Вскоре стало ясно, что организаторами подписки являются трое: малосимпатичная женщина лет сорока по имени Жанна с лицом, усеянным бородавками, и двое такого же качества мужчин при ней. К ним обращались те, кому не ясен был процесс функционирования очереди, они же выдавали заветные номерки. Да, и по внешнему виду этих троих было ясно, кто здесь является главным, кто управляет процессом. Неясные пока ещё сомнения первым озвучил Саша:

— Коллега Синберг, — сказал он, — что-то я не понял, а на каком основании твои, извини, соплеменники управляют этой очередью? На чём вообще покоится, ещё раз прости за высокий слог, законность этого мероприятия?

Его вопросы были вполне разумны. Я как-то смутно припомнил, что где-то в прошлом пересекался с этой Жанной. Она действительно являлась нашей по крови, что, впрочем, не делало эту девушку в возрасте более привлекательной, чем она была на самом деле. Происходящее вокруг

вызывало, по меньшей мере, раздражение. Ощущение было такое, словно нас только что беззастенчиво и, главное, привычно кинули.

— Не могу знать, коллега, — ответил я, — но спинным мозгом чувствую, что-то здесь не всё так хорошо, как хотелось бы.

— Могу поспорить, что у Жанны номерок далеко не тысячный и весьма вероятно не один.

— Даже не стану спорить, хотя мог бы. У меня есть предложение: давай по дороге купим пива и обсудим эту проблему, как говорится, в кулуарах.

К этому времени мы путём проб и ошибок уже точно знали, что для полного счастья нам нужна хорошая беседа, а к ней три литра пива и две копчёные рыбины. Так мы и поступили. В темпе прикупив материальные компоненты в ближайшем магазине, мы уселись за столиком в саду и стали думать. Примерно через час был готов план действий. Суть его состояла в том, что нужно было человек из пятидесяти крепких ребят создать параллельную очередь, столь же нелегитимную, как и первая, прийти в день подписки к магазину и начать переключку с тетрадкой в руках. Окружающие довольно быстро поймут, что иметь порядковый номер двести намного лучше, чем, к примеру, пятьсот, и переметнутся к нам. И на этом уже этапе всё будет зависеть от того, у кого

прочнее нервы и мускулы. А здесь мы в силу возраста явно обладали рядом преимуществ.

Бутуз, крепкий парень и мой друг с детских лет, примкнувший к нам в начале разговора и принявший активное участие в обсуждении проблемы, сказал, что силовое участие будет за ним и хрен кто пробьётся через его ребят. Решено было также, что каждый из нас обеспечит явку человек десяти-пятнадцати парней с активной жизненной позицией, и во вторник мы проведём первую встречу в парке Чкалова.

Бутуз ушёл, окрылённый самой возможностью выполнять какое-то нестандартное действие, пиво к этому времени было выпито, но наши молодые организмы, возбуждённые открывающимися перспективами, требовали продолжения банкета.

— У меня в холодильнике есть бутылка «Столичной», — вдруг неожиданно для себя предложил я, хотя ещё секунду назад не собирался этого делать.

— Водка после пива? — живо отреагировал мой коллега, — звучит неплохо, и, заметь, не я это предложил. Но не предаст ли нас анафеме Гета, или, что ещё хуже, Вера Исааковна?

— Гета с Элей сегодня у тёщи, это — раз, а с мамой я договорюсь, это — два. В конце концов, не так часто мы с тобой позволяем себе расслабиться.

Минут через пятнадцать стол был накрыт, и мы продолжили беседу. Говорили о жизни, о будущем и, естественно, о женщинах, благо их поблизости не было. Потом Александр, продолжая женскую тему, предложил спеть на брудершафт романс «Я встретил вас...». Получилось неплохо, хотя, на мой взгляд, лучше было бы ему не упражняться в сольном пении. Время близилось к полуночи, становилось свежо и я предложил пойти на нашу половину дома. Там стояло фортепьяно, по классу которого я, как нормальный еврейский мальчик, когда-то окончил музыкальную школу, и лежал недавно купленный сборник романсов с нотами.

Я уселся за инструмент, коллега, стоя, одной рукой стал переворачивать страницы, а другой дирижировать, безуспешно пытаясь попасть в такт. Пели мы, надо полагать, хорошо, но громко. Через какое-то время, уловив движение сбоку, мы синхронно повернулись и замерли. В дверях, разделяющей наш дом на две половины, в длинной ночной рубашке стояла моя мама и молча смотрела на нас. Черты её лица при этом как-бы стекли к губам и подбородку, в глазах, которые от этой метаморфозы стали ещё больше, застыла вся скорбь еврейского народа. Мой коллега оценил ситуацию и отреагировал, как всегда, мгновенно:

— Всё, Вера Исааковна, — сказал он, — всё,

уже никто не поёт, уже все мирно спят.

Проходя мимо моей мамы, он, склонившись, чмокнул её в голову и ушёл к себе в комнату. Мне было видно, как в этот момент лицо её мгновенно расслабилось в направлении от подбородка вверх, а глаза приобрели обычное мягкое выражение. Я тоже пошёл спать, хотя чисто славянское желание излить душу в пении плескалось во мне до тех пор, пока блаженный сон не перенёс моё сознание в параллельный мир иных видений.

У танцплощадки парка имени знаменитого лётчика, куда мы пришли в ближайшую среду, было необычайнолюдно для раннего вечера середины недели. Желающих приобщиться к литературному наследию оказалось человек пятьдесят, что вполне соответствовало нашему замыслу. В основном это были сотрудники различных НИИ в возрасте двадцати пяти-тридцати пяти лет. Я, Александр и Бутуз находились рядом. Выбрав момент, мой коллега попросил внимания и изложил суть проекта. Собравшиеся дружно поддержали идею. Не откладывая дело в долгий ящик, здесь же провели первую переключку и договорились проделать то же самое ровно через неделю. И так до самого главного дня, а вернее ночи, предшествующей подписке, поскольку желающие приобрести какое-либо издание обычно дежурили с вечера до открытия магазина.

Домой возвращались втроём. Все были на подъёме, говорили только о будущем мероприятии. Бутуз заверил, что с ближайшим отделением милиции он договорится, и те займут нейтральную позицию. У него вообще был странный круг знакомых: от ментов до явного криминала, что, впрочем, не помешало ему окончить институт, получить неплохое рабочее место в газовом хозяйстве города и, пользуясь статусом неженатого человека, активно менять девушек в поисках требуемого бриллианта. Парни, которых он привёл на перекличку, с трудом тянули на интеллектуалов, но функции охранников, судя по лицам и бицепсам, должны были выполнить отменно. Одним словом, на этом этапе всё складывалось хорошо.

Прошёл месяц, в течение которого мы регулярно встречались теперь уже большим коллективом. Все перезнакомились и на последней перекличке долго не могли разойтись, обсуждая уже текущие дела, не связанные с книгами. И вот, наконец, наступил долгожданный день. В три часа пополудни, за пару часов до построения привычной всем очереди, мы выстроились под стенами магазина и стали вести запись всех желающих стать владельцами подписного издания Александра Дюма. Стоит ли говорить о том, что в новой очереди я, коллега и Бутуз имели начальные номера. Постепенно к основному коллективу стали

присоединяться люди со стороны, и через два часа я уже выдал номерок двухсотому любителю чтения.

Пришедшие как и полагалось к пяти часам вечера Жанна со товарищи в изумлении разглядывали длинную очередь незнакомых людей, организованно стоящих под стенами магазина. Резкая попытка вмешаться в процесс и призвать всех к совести разбилась о крепких парней Бутуза и снисходительные улыбки присутствующих. В итоге к вечеру у двери образовалось две примерно одинаковые по численности очереди: правая и левая. Правую возглавляли мы с коллегой, левую — кипящая гневом Жанна. Наступила короткая летняя ночь.

Мы запаслись термосами с кофе и бутербродами. Кое-кто догадался добавить в кофе коньяку, что не только не ухудшило качество напитка, но и подогрело интерес к жизни. Незаметно все разбились на группки по интересам. Самая многочисленная была вокруг нас. Курили, рассказывали анекдоты, обменивались мнениями о последних литературных новинках. Время летело незаметно.

Где-то под утро со стороны противника была предпринята плохо организованная попытка прорыва блокируемой двери магазина. Наши бойцы быстро восстановили порядок и даже перешли в наступление, но были вовремя остановлены. Нам не

нужен был повод для скандала и вмешательства милиции. Я видел, как один из приятелей Бутуза что-то сказал на ушко Жанне, после чего она отшатнулась и пришла в лёгкое замешательство. У меня была мысль спросить того парня, что же он ей сказал такого, что могло смутить эту непробиваемую женщину, но в суматохе дел я как-то забыл об этом.

Наступило утро. Взошедшее солнце осветило две длинные очереди у магазина «Подписные издания». Уставшие за ночь люди молча ждали разрешения ситуации. В девять часов дверь, наконец, отворилась, и мы втроём зашли внутрь, оставив снаружи крики возмущений, доносящиеся из очереди справа. Там у прилавка две девушки заполнили какие-то бланки, вручили каждому из нас первый том Дюма в роскошном издании. В этот момент в помещение вошла заведующая магазином, подозрительно посмотрела на наши небритые физиономии, и я понял, что мы ей не понравились. Подписка была приостановлена до выяснения обстоятельств, как она сказала.

Выйдя на улицу, первое, что я увидел, была торжествующая улыбка Жанны. Было ясно, что она каким-то образом сумела донести информацию о сложившейся ситуации до заведующей. Мой коллега тоже понял это и молча вернулся в магазин. Он отсутствовал минут пятнадцать. Улыбка Жанны

за это время как-то увяла и превратилась в гримасу. Саша вышел внезапно, кивнул мне и Бутузу. Мы подошли, и он сказал следующее:

— Коллеги, нужен компромисс. Подчёркиваю, это будет временный компромисс, но без него на этом этапе не обойтись. Сейчас мы сольём две очереди в одну. В ней нечётные номера, начиная с первого, будут за нами, чётные — за оппонентами. Наши все при таком раскладе получают подписку. А потом, когда придёт время, мы людей из противной организации попросту выбросим вон. Потом, но не сегодня, так мы только что решили с директрисой, у которой тоже имеется свой интерес в этом деле. Есть вопросы?

— Вопросов нет, — сразу поддержал идею Бутуз, — это правильное решение. Кто скажет об этом Жанне?

— А вот сейчас мы с тобой пойдём и сделаем девушке предложение, от которого она вряд ли откажется.

— Идём — засмеялся Бутуз, — а Синберг пока поставит в известность наших ребят.

Я видел, как они уверенно подошли к Жанне, как отвели её в сторону и мой коллега стал объяснять ей суть вещей, как она молча кивнула. Компромисс был достигнут. Наши ребята сочли произошедшее полной победой нашего дела. К полудню подписка на полное собрание сочинений

Александра Дюма была завершена. Ушли счастливые обладатели первого тома, ушли и те, кому это счастье не досталось, и вскоре только обрывки бумаги да окурки, густо усеявшие асфальт, напоминали о страстях, кипевших прошлой ночью вокруг этого, пустячного по сути, дела.

Организованная нами очередь на подписные книги существовала довольно долго, лет семь-восемь. Великолепные издания пополнили наши библиотеки, радуя глаз качеством обложек, а душу содержанием. А потом вдруг изменилось время, да и все мы как-то незаметно стали иными. Появилась масса других проблем, среди которых книги уже занимали далеко не самое главное место. Те, кто стоял у истоков нашего предприятия, в силу своих особенностей характера активно занялись решением этих проблем и многим это удалось. Впоследствии они стали крупными бизнесменами, политиками, учёными в родном отечестве. Иных судьба разбросала по далёким и близким странам, лежащим почти на всех континентах земного шарика, который благодаря современным телекоммуникациям оказался не таким уж и большим, как это казалось тогда, в молодости.

Прошло ещё какое-то время, и вот уже скайп и социальные сети избавили нас от необходимости писать письма и снова как-бы постепенно собирают всех в единую команду. Мы всё чаще общаемся в

режиме on-line, вспоминаем былое, вглядываемся в знакомые лица, которые по своему шлифуют безжалостное время, а затем, отключив ноутбуки, долго ещё смотрим на полки книжных шкафов, где за стеклом в молчаливом порядке застыли те, с кем мы когда-то росли и выросли.

Отправляя свой рассказ, искренне надеюсь, дорогая Матильда, что он не оставит Вас равнодушной и с нетерпением стану ждать ответного письма.

Днепропетровск, 10 марта 2012 года

Искренне Ваш А.Н.

2. Бешеные деньги (Письмо второе к несравненной Матильде)

Дорогая Матильда, я бесконечно благодарен Вам за письмо, которое ждал с таким нетерпением. Рад тому, что мы одинаково оцениваем события тех лет, послужившие причиной нашего разрыва. Увы, сделанного не воротишь, но наша переписка, я уверен, позволит нам лучше понять, кем мы стали за эти годы, а перенесенные на бумагу воспоминания помогут воссоздать наши параллельно протекающие судьбы.

В настоящем письме я хочу рассказать Вам ещё об одном довольно ярком эпизоде, который оставил неизгладимое впечатление у всех его, тогда ещё совсем молодых, участников.

Отсутствие достаточного количества денег в молодости стимулирует умственную деятельность.

Жизненный опыт

Странствуя по жизни, я не закрываю глаза на окружающие меня явления.

О.Генри. Справочник Гименея

Каждому мужчине на определённом этапе жизненного пути приходит в голову мысль заработать большие деньги. Мысль же есть не что иное, как отражение реального мира, а реальность такова, что она заставляет нас искать способы оказывать знаки внимания женщине с целью усыпить её бдительность, двигаться по служебной лестнице, решать текущие проблемы, то есть жить. Как показывает опыт, на всё это требуются деньги. Мужчина без денег, если попытаться сделать определение в стиле О. Генри, подобен автомобилю без капли бензина в топливном баке. Что значат его мускулы, экстерьер и робкие попытки произвести серьёзное впечатление на других, более удачливых

автовладельцев. Он не более чем игрушка в руках обстоятельств — этих посланников безжалостной судьбы.

Желание получить доступ к большим деньгам особенно усиливается у мужчины после того, как он женится и у него появляются дети. Жена и дети требуют наличия жилья и текущих расходов. Я осознал всё это в полном объёме после того, как окончил университет, и мы с женой поселились в частном доме, принадлежавшем Вере Исааковне Синберг. В этом доме, который был расположен в специфическом районе города, населённом в основном прямыми потомками сынов и дочерей Израилевых, мы снимали комнату площадью 5,6 м². Жена училась на последнем курсе университета, маленькую дочь, слава Богу, содержали тещь с тёщей, сам я работал в НИИ на предельно низкой ставке, то есть денег катастрофически не хватало. Заработать же дополнительное их количество легальным путём в те годы было крайне непросто. Но очень хотелось, особенно хотелось купить кооперативную квартиру. Для этого следовало заработать три с половиной тысячи рублей. Для сравнения, автомобиль можно было тогда приобрести за шесть тысяч рублей.

Первая робкая попытка прикоснуться к золотому тельцу совпала с очередной годовщиной

Великой Революции. Так случилось, что моя жена уехала к родителям повидать дочку, и я пребывал в состоянии одиночества и грусти. После обязательной демонстрации трудящихся мы с Толей Курченко, который работал в соседней лаборатории, решили продолжить краснзнамённый праздник. Выбор пал на вокзальный ресторан, шеф-повар которого долгое время работал при нашем посольстве в Париже. Это ощущалось как на внешнем виде подаваемых блюд, так и на их вкусовых качествах.

Мы резво вскочили в подошедший трамвай и уже через десять минут излагали симпатичной официантке несложную структуру нашего заказа: триста водки, лангет, грибочки, нарзан и кофе позднее. Толя при росте сто восемьдесят пять и маме, которая работала завмагом, имел вальяжный вид, роскошные усы и соответствующие манеры. Девушки рядом с ним млели и теряли рассудок. Отчасти по этой причине через короткое время лучшая часть заказа, я имею в виду водку и грибочки, красовалась на столе. К ней Людочка, так звали нашу официантку, по своей инициативе добавила ломтики свежайшей буженины и сыра, понимая, что на заказанной порции водки мы вряд-ли остановимся. Как показали будущие события, чутьё не подвело опытную работницу общепита.

— А водка-то сладкая, — заметил Анатолий, когда мы выпили по первой.

— И что из этого следует? — поинтересовался я, бессознательно исследуя контингент дам, сидящих в зале. На мой взгляд, он был никакой.

— Как что? — меланхолично, на своей обычной волне, пояснил приятель, — это означает, мой друг, что мы выпьем её много и последствия этого трудно предсказуемы. Меня уже сейчас гложут дурные предчувствия.

— Ты меня пугаешь, давай-ка ещё по одной, за светлое будущее.

Мы чокнулись и выпили. Водка действительно имела сладковатый привкус. За соседним столиком скучали два молодых человека лет тридцати. Наблюдая за тем, с каким энтузиазмом мы опрокинули первые две рюмки, один из них, тот, что был повыше ростом, не выдержал и подошел к нам:

— Ребята, — сказал он, — у вас неплохо получается, не будете против, если мы присоединимся?

Мы с Толей переглянулись.

— Да, собственно, особых возражений нет, — задумчиво начал я, — а почему, пардон, пьём в одиночестве? Я имею в виду, почему без девочек?

Парень хищно улыбнулся:

— Вопрос принят и, более того, понят.

Причина проста как дверные петли: наши жёны из одного города, вчера они уехали к детям, оставив нас на произвол судьбы.

— Господи, как тесен мир, — со вздохом произнёс Толя, — я буду чувствовать себя одиноко в вашей компании.

— Что, не женат ещё? — спросил, подсаживаясь к нам, высокий парень, — а чё так? Такой умный, или просто повезло? Кстати, Сергей моё имя.

Его приятеля звали Женя, мы тоже представились. Официантка, которая к этому времени уже охотно откликнулась на имя Зайка, перенесла их заказ на наш столик и праздник жизни начался.

Быстро покатилося время. Наши новые знакомые оказались чрезвычайно компанейскими парнями с хорошим прошлым и довольно богатым воображением. Они, как и мой приятель, окончили физтех соседнего университета, как и мы также давно не отрывались в мужском обществе, поэтому веселья за нашим столиком в полной мере хватало для всех, кто мог нас слышать и видеть, то есть для всего ресторанного зала. К нам начали подходить совершенно незнакомые люди просто так, чтобы выпить за компанию. Потом материализовались музыканты, и Анатолий с парнями стали петь популярные песни, а зал с удовольствием им

подпевал. Я же, обладая уникальным в своём роде полным отсутствием слуха, не без успеха дирижировал этим хором мальчиков, чем тоже сорвал немало заслуженных аплодисментов.

Водка продолжала оставаться сладкой. К вечеру я поймал себя на том, что мысли приходят ко мне случайно, какими-то обрывками, а чувство самосохранения всё громче стучится в мою затуманенную алкоголем голову. Собрав в единое целое то, что осталось от силы воли, я подошёл к нашей официантке и спросил, старательно выговаривая буквы, с трудом собранные в слова и предложения:

— Зайка, тебе не кажется, что наше пребывание здесь как-то затянулось?

Она улыбнулась:

— Да, ребятки, вы славно погуляли, ничего не могу сказать, давно так не было весело в нашем заведении. Но мой вам совет, завершайте праздник, как раз самое время. Принести счёт?

— Давай, золотце, огорчи нас, а я пока соберу парней.

Дальше я смутно помню сложную процедуру оплаты счёта, бурные проводы, поиски такси и не сразу удавшуюся попытку объяснить, куда следует везти нас с Толей, круглые глаза Веры Исааковны, благостное ощущение постели, вращающийся по часовой стрелке мир и сладкий мрак забвения.

Проснулся я утром, когда часы показывали восемь. Дом был наполнен тишиной. В комнату проникали яркие лучи солнечного света и по их интенсивности можно было понять, что за окном, слава Богу, хорошее осеннее утро, а не вечер. Во рту ощущался сложный привкус вчерашних сигарет, водки и грибочков с луком. Голова же была на удивление кристально чистой и пустой. Молодой организм словно высох после вчерашнего веселья и срочно требовал воды, как можно быстрее и как можно больше этой живительной влаги. Я поднялся, с огорчением обнаружил, что спал, не раздеваясь, и пошёл на кухню.

Кран, к которому я попытался припасть пересохшим ртом, удушливо захрипел, отплюнулся каплей воды и затих. Это было неожиданно, но поправимо, поскольку на газовой плите стоял чайник. Я взял спасительный сосуд за ручку и пил до тех пор, пока его содержимое полностью не перешло в мой организм. Так вода после ливня бесследно уходит сквозь трещины в иссохшую землю. С каждым глотком жизнь неотвратимо возвращалась ко мне. Наконец, с облегчением вздохнув, я поднял глаза и увидел сына нашей хозяйки Сашку Синберга, стоявшего в дверях и с улыбкой наблюдающего за процессом моей реанимации.

— Привет, коллега, — бодро произнёс он, —

как жизнь?

Семья моей жены последние лет десять провела на Западной Украине, где обращения «коллега» и «коллежанка» были очень популярны.

— Привет, коллега, — хрипло ответил я ему, — спасибо, понемногу налаживается.

— Что, вчера славно погуляли?

— Да, в целом, неплохо, хотя конец праздника я припоминаю как-то смутно.

Послышался топот детских ножек, и на кухню вбежала Эля — пятилетняя дочь коллеги.

— Папа, — сообщила она, — а ты знаешь, что у нас в гостиной спит дядя с бородой под носом?

Тут я припомнил, что вместе со мной вчера приехал и Толя, чьи роскошные усы привели в состояние восторга маленькую девочку. Боже мой, представляю состояние нашей хозяйки, когда перед ней, на ночь глядя, возникли два весёлых молодых человека. Скрипнула дверь соседней комнаты и к нам присоединилась и сама Вера Исааковна. На её лице была лёгкая улыбка, означавшая, что грозы не будет.

— Доброе утро, — сказала она.

Я поздоровался и тут же предусмотрительно добавил, что мы больше не будем.

— Знаю я вас, — ответила мудрая женщина, — а где второй?

— Я здесь, — послышался голос Анатолия.

Он вошёл весь в измятом костюме, но как всегда вальяжный и слегка томный.

— Вера Исааковна, — произнёс Толя чуть севшим голосом, — мы с Александром просим принять наши глубокие извинения по поводу вчерашнего вторжения и заверяем, что подобное никогда больше не повторится.

С этими словами он склонил голову перед нашей хозяйкой и элегантно поцеловал ей руку. Подобного действия со стороны мужчин она не видела последние лет двадцать, поэтому мы были прощены мгновенно и навсегда.

— Простите, — продолжал Толя, — а нельзя ли мне попросить воды?

Чайник был пуст, я скромно потупил глаза, движимый состраданием к ближнему, воду принёс коллега Синберг. Толя махом выпил не меньше литра и вздохнул с облегчением:

— Хорошо-то как, господа, — произнёс он.

— Вера Исааковна, — спросил я, — а что с водой? Я, конечно, догадываюсь, куда она могла подеваться при таком специфическом контингенте местного населения, но хотелось бы знать, как долго она будет отсутствовать?

Лицо Веры Исааковны приобрело скорбный вид:

— Прорвало трубу и воду пришлось перекрыть, а впереди ещё три дня праздников,

слесарей не найти. Что делать, ума не приложу.

Отсутствие привычных радостей жизни, таких как свет, вода, канализация, всегда действует угнетающе. Нужно было что-то предпринимать.

— Коллега, — обратился я к Синбергу, — а, что, хомут мы сможем наложить на трубу.

— Да, запросто, — ответил тот.

— Вера Исааковна, — продолжил я, — скажите, местное население согласится как-то оплатить труд двух инженеров, если они вернут воду в дома.

Я сказал двух, потому, что Толя питал отвращение к любого рода физической деятельности и годился только в качестве идейного вдохновителя. Глаза хозяйки дома вспыхнули:

— И что, вы сможете это сделать?

— Вера Исааковна, — несколько оскорбился я этим вопросом, — вы имеете дело с серьёзными людьми, желающими заработать пару рублей в свои законные выходные дни. С такими вещами, знаете ли, не шутят.

— Я сейчас, ждите меня, — сказала она и исчезла.

При росте не более ста пятидесяти сантиметров Вера Исааковна умело руководила домом и пользовалась непререкаемым авторитетом в его окрестностях. Все соседи считались с её мнением. Она была строга, но лишь немногие

догадывались, что при этом она имела удивительно мягкое сердце. Как-то дядя Тевель, её муж, купил индюшонка, имея конечной целью вырастить его, а когда тот станет взрослой птицей, привнести в семейный бюджет пару десятков свежего диетического мяса. Мысль всем показалась неплохой. Индюшонок быстро рос и вскоре не без основания стал считать Веру Исааковну своей мамой, поскольку она его кормила, она его ласкала, она с ним разговаривала и, как она же утверждала, более благодарного слушателя в её жизни никогда не было. Прошло какое-то время, и птичка стала взрослым индюком, ростом чуть меньше своей хозяйки. Назвали его, естественно, Изя.

Словно собачонка ходил он вслед за ней в магазин, к соседям, бродил по двору, пугая беспризорных собак. Со стороны это было забавное зрелище: маленькая седая женщина и большая птица со специфической внешностью, медленно бредущие по улице. О том, что это два десятка чистого диетического мяса уже никто не вспоминал. Погиб Изя случайно, угодив под автомобиль, который раз в год проезжал по их улице. От судьбы, как говорится, не уйдёшь. Его похоронили, искренне сожалея о случившемся.

Вера Исааковна вернулась довольно быстро.

— Я договорилась, — сказала она, — они сказали, что заплатят по восемь рублей с семьи. Это

будет девяносто шесть рублей.

— Иду переодеваться, — ответил на это я, прикинув, что вскоре могу заработать половину своего месячного жалования. Одевая рабочую одежду, я сосчитал жалкие остатки тех денег, что оставила перед отъездом жена, рассчитывая на моё целомудренное поведение. Грядущий заработок на порядок превышал имеющуюся у меня наличность.

Час времени ушёл у нас на то, чтобы отрыть трубу, наложить хомут на отверстие и зарыть образовавшуюся яму. Несколько оборотов вентиля и невидимый поток воды хлынул к домам взволнованного населения. После этого мы втроём, испросив разрешения у женщин, пошли выпить пива с чувством прекрасно выполненного долга и ощущением резко улучшившегося отношения к жизни. Возвращались мы с коллегой Синбергом домой, когда часы показывали без чего-то там шестнадцать. Шли молча, размышляя каждый о своём. Сашка неожиданно произнёс:

— А неплохо было бы вот так же быстро, как сегодня, заработать много денег. Машину можно было бы купить...

— Да, неплохо бы, — согласился я, — только где они ждут нас, эти бешеные деньги?

— Надо думать, — ответил мой друг.

И мы стали думать.

После случившегося прошло полгода. Работа

и повседневные заботы как-то не давали возможности серьёзно заняться денежной проблемой, хотя время от времени мы с коллегой возвращались к этой теме, актуальность которой по синусоиде то возрастала к концу каждого месяца, то падала к его началу. Однажды в середине июня я возвратился с работы домой раньше положенного и обнаружил за столиком во дворе трёх невзрачных мужчин, которые пили водку и неплохо закусывали в присутствии нашей же хозяйки, выполняющей непривычную для неё роль официантки.

— Вера Исааковна, — осторожно спросил я, — кто эти, пардон, плохо воспитанные люди?

Она тяжело вздохнула:

— О, Саша, чтоб вы знали, это таки сантехники. Я решила провести в дом канализацию, чтобы к старости иметь тёплый туалет и ванну. Это была ещё мечта моей мамы, царство ей небесное.

— Хорошая идея, но в таком случае, почему эти на первый взгляд половозрелые мужчины не работают, а пьют вашу водку?

— Саша, вы ещё не имеете опыт за жизнь: чтобы сантехники начали работать, их нужно хорошо угостить.

— Неплохо устроились ребята, — восхитился я, — и, если не секрет, обо что вам станет это удовольствие?

— Это счастье будет стоить мне двести

пятьдесят рублей, и я не считаю того, что они съедят и выпьют, чтоб эти люди были здоровы.

Миновало ещё два дня. Сантехники по-прежнему резвились за столом, а во дворе лишь сиротливо темнеющая яма, назначение которой было лично мне как инженеру непонятно, напоминала о великой конечной цели. К концу третьего дня за вечерним чаем я осторожно поинтересовался:

— Вера Исааковна, не знаю, как вам, но лично мне противно смотреть на то, как издеваются над здоровым смыслом эти люди. И что, так будет долго продолжаться?

Наша маленькая хозяйка тяжело вздохнула:

— Я бы их убила, будь на то моя воля, но что делать, уже потрачены деньги и очень хочется иметь тёплый туалет.

Мы с Синбергом переглянулись и, видимо, одна мысль в эту минуту пришла в наши головы. Я оставил чашку и озвучил её:

— Вера Исааковна, а что, если эту вашу мечту реализуем мы с Сашей, вдвоём?

— Вы?.. Вдвоём?.. Перестаньте пугать старую женщину. Как вы это сделаете?

— Вера Исааковна, перед вами сидят два инженера, окончившие свои институты с красными дипломами. Уверяю вас, мы эту канализацию сделаем, как дважды два. И учтите, при этом

половина денег останется в семье, что само по себе уже неплохо.

Хозяйка думала недолго:

— Я заплачу вам триста рублей, лишь бы только не видеть пьяные рожи этих бездельников.

— Да, — остановил я её пыл, — но ещё одно условие: в этом году ранние вишни, и каждый вечер вы нас будете кормить варениками с этими ягодами, причём, без косточек и с сиропом.

— Согласна, — не задумываясь, ответила маленькая хозяйка большого дома, обожавшая это блюдо.

В окрестных домах потом долго ещё рассказывали о том, какие лица были у сантехников на следующий день, когда они услышали, что и в каких выражениях думает о них небольшая и смиренная с виду женщина, у которой они подрядились выполнить работу. Это был цимес для зрителей, выражаясь привычным в этих местах языком.

Мы начали с того, что подняли соответствующую литературу и внимательно ознакомились с технологией производства работ при устройстве канализации. Оказалось, что, в принципе, ничего сложного в этом не было: следовало лишь врезаться в проходящую неподалёку городскую систему, выдержать требуемый уклон труб, да соорудить колодцы в

местах, где один прямолинейный участок трассы переходил в другой. Установка оборудования на этом фоне труда не представляла. Сделав необходимые шаблоны и прикупив материалы, мы с коллегой осторожно приступили к делу.

Желание увидеть конец работы плюс элементы золотой лихорадки, удваивали наши силы и обостряли ум. Впрочем, как было установлено в процессе приобретения трудовых навыков, никакая теория не может заменить реальный жизненный опыт. Выяснилось, что длина прямолинейных участков трассы не всегда оказывалась кратной длине стандартных чугунных труб. Поэтому их нужно было распиливать на две неравные части. И вот прекрасным субботним днём мы с коллегой, аккуратно очертив мелом границу, по очереди пилим одну из труб пилой по металлу. Процесс оказался достаточно медленным и трудоёмким. Сосед Синбергов, дядя Сёма, кстати, профессиональный сантехник, положив руки на забор и опёршись на них подбородком, внимательно наблюдает за нами. Когда мы, чертыхаясь, распиливаем первую трубу и с тоской смотрим на оставшиеся три, он спрашивает:

— А что это вы делаете? Расскажите старому еврею, только так, чтобы я понял.

Я расслабленно курю, а коллега коротко излагает суть наших занятий.

— И что, много ещё труб нужно пилить?

Синберг молча показывает три пальца. Дядя Сёма отрывается от забора, делает круг через соседний двор и подходит к нам.

— Где нужно пилить? — спрашивает он, уложив на козлы очередную трубу. Сашка показывает на меловую метку. Старый сантехник берёт молоток, и, легко ударяя им по зубилу, проходится вдоль линии. Затем он ударяет по консольно висящему отрезку трубы и тот отваливается ровнёхонько по метке. Мы, внимательно следившие за этой процедурой, не сговариваясь, поворачиваемся друг к другу и синхронно произносим:

— Чугун-то ведь хрупкий материал, на фиг было его пилить! Вот идиоты!

Дядя Сёма усмехается и спрашивает:

— А вы где работаете?

Мы отвечаем.

— И что там платят за такую работу?

Мы не стали скрывать, хотя было несколько неловко, особенно мне. Синберг получал вдвое больше, чем я, с раннего утра и до поздней ночи вкалывая заместителем начальника электроцеха на вагоноремонтном заводе.

— Сколько? — искренне удивляется профессиональный сантехник, — так эти люди, похоже, смеются над вами. Идите ко мне в бригаду,

пацаны. Я давно за вами наблюдаю и вижу, что из вас таки будет толк. Вы умеете работать и не бухаете, как слепые кони. Четыреста в месяц я вам гарантирую, а там как Бог даст, а он, если вы всё ещё не в курсе, всегда на нашей стороне.

В этом месте я бы мог с ним поспорить, но не стал. Мы с Синбергом лишь переглядываемся и обещаем подумать, заранее зная, что безнадежно испорченные образованием и идеологией, никуда уже не свернём с однажды избранного пути.

Мечта Веры Исааковны была реализована за две недели. Скрывая слёзы, она спустила воду в новеньком унитазе, включила душ. Всё работало, как часы. Наградой нам стала огромная внеочередная миска вареников с вишнями, политых душистым сиропом. Тогда возможности наших организмов были таковы, что вовсе не количество пищи было ограничивающим фактором, а лишь недостаток времени на её употребление. Боже мой, какое это было время!

Жене я вручил скромную пачку денег, что являлось, с одной стороны, солидным вкладом в наш скромный бюджет, а с другой, поднимало мой престиж, как главы семьи, умеющего запросто срубить неслабые деньги.

В одном из отделов нашего НИИ работал симпатичный парень по фамилии Дышлюк, которого в силу обстоятельств тоже звали

Александром. Познакомились мы с ним на осенних хозработках. Как-то весной я рассказал ему о проблеме с деньгами и желании заработать их много, но быстро. В ответ на это он сообщил, что в бытность свою студентом он часто вкалывал на различного рода шабашках и зарабатывал при этом очень даже неплохие деньги. Кстати, в настоящий момент он тоже испытывает финансовые затруднения в связи с ремонтом недавно приобретённой квартиры, и, если есть такое желание, ему не сложно подыскать работу в одном из окрестных сёл. Скоро отпуск, и при соответствующей компании трудолюбивых парней можно было бы поднять нормальные деньги, так завершил он свою речь. Я ответил, что по состоянию на настоящий момент нас уже как минимум трое, зовут всех Александрями, так что успех мероприятия гарантирован уже только по одной этой причине. Оставалась одна малость: найти работу. На это он заметил, чтоб я не парился: эта часть проблемы остаётся за ним.

Саша оказался человеком слова, и к началу августа, оформив свои отпуска, мы отбыли осваивать наше Эльдorado, которое находилось в одном из сёл километрах в восьмидесяти от города. Вера Исааковна провожала единственного сына так, как не провожают новобранцев на войну. С меня было взято слово вернуть ей Сашу в том же

состоянии, в каком он уходил из дома. Кроме троих Александров, в команду входил рассудительный Юра — одnogруппник Дышлюка по университету, отличающийся флегматическим устройством характера и лёгким заиканием, и Коля — человек без видимых достоинств и признаков отличия, тоже сотрудник нашего НИИ, имевший, по его словам, опыт работы со столярным инструментом. И вскоре привычный городской пейзаж остался в шлейфе пыли позади автобуса, уносящего нас навстречу неизвестности.

Село Нычково против ожидания оказалось довольно большим поселением. В нём было около тысячи домов и большое животноводческое хозяйство, специализирующееся на разведении свиней и коров. Главный инженер колхоза, довольно молодой, но уже лысоватый и хорошо упитанный мужчина, узнав, что перед ним сотрудники НИИ, долго и нудно рассказывал нам о том, каким должен быть угол наклона пола, чтобы жидкая фаза отхода свиней стекала в нужном направлении, обеспечивая тем самым для животных требуемый уровень комфорта. Интересовался, имеем ли мы нужные знания в области фильтрации, и был в шоке, когда понял, что мы новички в этом деликатном деле. В итоге мы ушли от него в твёрдой уверенности в том, что доверия к нам не было и на копейку. И если бы не крайняя нужда в

рабочих руках, то нас ни за что не допустили бы работе, требующей особых, я бы даже сказал герметических, знаний в области естественного перемещения свиnskих фекалий.

Итак, нам предстояло отремонтировать свинарник. Для этого нужно было полностью перестелить полы в загонах, покрасить ограждения, побелить стены и потолок, а также мимоходом заменить разбитые стёкла в оконных рамах. Ширина этого неслабого сооружения составляла метров двадцать, длина — сто. За это по договору колхоз обязался выплатить нам десять тысяч рублей независимо от продолжительности выполнения работ.

Поселившись в общежитии и познакомившись с бабой Маней, в чьи обязанности входило кормить нас ежедневно обедом, мы отправились на осмотр объекта. В качестве экскурсовода выступила симпатичная женщина, которая заведовала всем животноводческим комплексом и, как утверждали местные недоброжелатели, находилась в нежных отношениях со столь холодно принявшим нас главным инженером. Узнав об этом, мы решили, что со вкусом у неё явно были большие проблемы.

Свинарник, буквально накануне освобождённый от своих постояльцев, произвёл на нас неизгладимое впечатление, граничащее с экстазом. Такого количества свежего дерьма,

собранного в одном месте, я в своей жизни никогда не видел ни до того, ни после. Под ногами, нагло волоча хвосты, бродили непуганые крысы, размером с хорошую кошку. От стойкого запаха фекалий першило в горле и ужасно хотелось пить. Я сразу понял, что большие деньги лёгкими не бывают, и, как ни странно, эта простая мысль привела в состояние равновесия окружающую нас обстановку и сформировавшиеся к этому времени эстетические ценности. Нужно было приступать к работе, объём которой на первый взгляд казался запредельным.

Прежде всего, мы сорвали и вывезли остатки старого настила и весь мусор со свинарника. Этим были достигнуты два положительных момента: во-первых, распуганы все крысы и, во-вторых, чётко обозначился объём работы. Мужики с Западной Украины, одновременно с нами подрядившиеся на ту же работу в соседнем равноценном помещении, за это время только начали разбирать настил. Увидев такое рвение, они пытались взывать к нашей совести, но потом поняли, что их не слышат и оставили эти бесплодные попытки.

Затем мы освоили пилораму, где опытный Сашка Дышлюк научил нас превращать брёвна в необрезные доски, которые на следующем этапе уже с помощью циркулярной пилы превращались в

аккуратные, обрезанные с четырёх сторон одинаковой длины доски для настила. Синберг, разбирая старый хлам в сарае неподалёку, обнаружил недействующую установку для побелки стен. Будучи электриком по образованию и одновременно представителем нации, умеющей делать и считать деньги, он быстро понял, что момент их получения можно существенно приблизить, заменив ручную побелку механической. За короткое время перерывов в работе он тайно починил бездействующий механизм и опробовал его. Эффект был потрясающий. После этого стало ясно, что за две недели, работая по шестнадцать часов день без выходных, наш отряд сможет выполнить эту лишённую облагораживающих элементов работу.

Мы, вооружённые реанимированным механизмом, быстро побелили стены и потолок, вручную покрасили ограждения загонов и приступили к самой трудоёмкой процедуре устройства лаг и укладке настила. Потянулась монотонная работа с молотком и гвоздями в руках.

Очень хотелось есть. Баба Маня кормила нас один раз в день. Кто решил, что реставраторам свиарников чужды завтрак и ужин, мы не знали, но если бы нам довелось увидеть этого лишённого чувства юмора человека, то, уверяю, ему не удалось бы уйти живым. Обед представлял собой неслабую

миску супа, в котором в качестве второго блюда плавал кусок жилистого мяса. Попытки выяснить, кому при жизни принадлежала эта белковая масса, ни к чему не привели. Завершался приём пищи кружкой напитка, который наша повариха почему-то называла чаем, хотя тот даже цветом не походил на этот благородный напиток, не говоря уже о его вкусе. Вся посуда была алюминиевой. Как позже выяснилось, баба Маня её не мыла, а просто вытирала тряпкой сомнительного происхождения. На наше замечание она резонно заметила, что всё равно сюда наливают горячее, так зачем мыть?

А супчик действительно был горячим. Когда мы впервые увидели на столе огромные тарелки с этим блюдом, то решили, что температура его близка к среднесуточной. Ни струйки пара не поднималось над поверхностью этих маленьких лоханок. Но хлебнув первую ложку их содержимого, мы дружно отплюнулись, переглянулись и молча пошли ставить свои миски в лужу возле крана. Под тонким слоем расплавленного жира температура варева была близкой к точке кипения. Есть это было просто невозможно, да ещё в такую невыносимую жару, которой отличался тот август.

Особенно страдал Сашка Синберг, который вообще любую пищу употреблял исключительно в холодном виде. Все наши попытки объяснить бабе

Мане, что готовить нужно хотя бы за час до нашего прихода, успеха не имели. Ей совершенно были непонятны наши городские заморочки. «З жиру хлопци бисяться», — так объясняла она всем наши претензии.

Через десять дней трудовой эпопеи мы приобрели жёсткие мозоли на ладонях, необыкновенную стройность фигур и опасный блеск в глазах, который усиливался при виде любой еды, лишь бы только она не была приготовлена шаловливыми руками нашей поварихи. Особенно настораживал тот факт, что естественной в таком возрасте тяги к женщинам не ощущалось вообще. Правда, опытный Дышлюк, подводя итог обсуждения этой жизненно важной темы, сказал, чтобы не брали в голову, мол, при такой работе и таком изощрённом питании это более, чем естественно. «Начнём нормально питаться и всё пройдёт, мужики, как с белых яблонь дым», — сказал он философски, лёжа в перерыве на новеньком настиле и пуская кольцами сигаретный дым.

— Если не п-помрём к тому времени — слегка заикаясь, вернул всех на грешную землю Юра, — я тут вот о чём подумал. В ста метрах от нас, если доверять обонянию, находится коровник. В нём, следуя логике, должны быть коровы, а где они, там и доярки, там же, следовательно, и молоко.

Господа, вы следите за причудливыми изгибами моей мысли?

Я сел на полу в позе турка и обвёл всех лежащих осмысленным взглядом:

— Коллеги, туда должен пойти Дышлюк...

— А чё это чуть что, так сразу я?

Из нашей пятёрки только Сашка Дышлюк при довольно высоком росте обладал особой внешностью начинающего аскета. Мне кажется, что именно так должны были выглядеть библейские патриархи в начале своего жизненного пути. Довольно тяжёлый труд последних дней, ограничения в питании и борода, которую он начал отпускать, лишь усиливали это сходство. Большие карие глаза горели изнутри. Их голодный блеск посторонние ошибочно принимали за огонь просветления, а иные старушки при его появлении осеняли себя крестным знамением и даже норовили приложиться к руке. Я сразу понял, что появление такой фигуры на ферме, где работали впечатлительные дамы из местного контингента, не должно было остаться незамеченным, а уж тем более безрезультатным.

— Саша, — сказал я ему, — поверь моему опыту, только ты сейчас можешь спасти нас от голодной смерти, а, соответственно, и наше мероприятие от полного краха. Дуй на ферму и не возвращайся без молока, а мы пока смотается в

магазин за хлебом. Он в любом случае не будет лишним.

Дышлюк молча встал, обвёл нас взглядом идущего на смерть человека, взял пустое ведро и отправился в соседний коровник покорять мастериц машинного доения. Минут через сорок он вернулся с лёгкой улыбкой в своих бездонных глазах. В одной руке он нёс ведро молока, в другой — небольшой трёхлитровый бидон.

— Хорошие девушки живут в этом селе, — вынес он приговор, — дали бидончик сливок и ведро молока. Взамен просили, если сможем, посмотреть их неработающий кормораздатчик.

— Разумный обмен ценностями, — заметил Юра, ополаскивая под краном банку из-под майонеза, — не будем тянуть резину, кто хочет п-первым отведать сливок?

Я любил молоко и не мог представить свою жизнь без этого продукта. Синберг не пил его вообще, о пристрастиях других членов команды я попросту не знал. Короче, мы не пошли вкушать опостылевший обед, приготовленный руками бабы Мани, а взамен под три булки черного хлеба практически опустошили бидон сливок. При этом я выпил четыре, Синберг, преодолевая отвращение, две, остальные осилили по три двухсотграммовые баночки. Никому и в голову не пришла мысль о том, что это не те сливки, которые мы привыкли

покупать в наших магазинах. По сути это было жидкое сливочное масло. Из нас пятерых только мой организм оказался готовым к такому биологическому удару. Остальные участники оргии через полчаса сидели, согнувшись в три погибели, впервые осознав на личном опыте, что такое настоящая печёночная боль. Поругиваясь сквозь зубы, я в одиночестве продолжал стелить полы в злополучном свинарнике.

В комнате на пятерых мне выпало спать у окна. Эта ночь показалась слегка нервной, поскольку с регулярностью в полчаса кто-то из команды срывался с постели, с выпученными глазами прыгал через меня в окно и рысью мчался к туалету. Обратный путь тоже пролегал через мою койку. К утру все страдальцы дружно решили, что лучше помереть от супа бабы Мани, чем от поноса.

Ведро молока, прикрытое чьей-то рубашкой, словно мусульманская девушка чадрой, сиротливо стояло в углу. К вечеру Коля вспомнил о нём и приподнял, выражаясь высоким стилем, вуаль завесы. Ведро было до краёв наполнено великолепной простоквашей. Вот тут-то мы и оттянулись, разбавив наше убогое меню вначале свежим молочнокислым продуктом, который в отличие от сливок не давал побочных эффектов, а затем следующей его стадией, пропустив скисшее молоко через практически чистую майку Дышлюка.

Творог после этого приобрёл специфический, можно даже сказать пикантный, вкус.

Это был первый по настоящему светлый момент в нашей трудовой эпопее. Вторым, не менее запомнившимся событием, стало окончание работы в славном селе Нычково. Мы, раздражённые регулярными наездами главного инженера, не афишировали свои трудовые успехи. Сообщив заведующей комплексом о том, что завтра готовы показать комиссии выполненную работу, мы за ночь заменили разбитые стёкла, покрасили в качестве бонуса ворота и были готовы сдать девственно чистый свинарник в эксплуатацию. За эти две недели наши коллеги из Западной Украины, работая параллельно, успели только лишь разобрать старый настил.

Прибывшая к девяти часам комиссия во главе с руководителем инженерной службы с удивлением осматривала результаты ремонта. Главный инженер в силу пакостного характера пытался найти огрехи в работе, но замолк, резко одёрнутый заведующей фермой. Акт приёмки-сдачи был безоговорочно подписан, а нам было предложено отремонтировать всё, что только можно было найти пригодное для восстановления в этом селе. На это мы ответили мягким отказом, сославшись на отсутствие знаний в области отфильтровывания жидкой фазы фекалий домашнего скота. Главный инженер при этом

молчал и избегал смотреть в сторону заведующей фермой, предчувствуя нелёгкий вечерний разговор со своей подругой.

Никто из них не знал, что за время работы над восстановлением свинарника Сашка Дышлюк в селе неподалёку нашёл новый объект для удовлетворения наших финансовых запросов. Там предстояло подштукатурить и покрасить элеватор. Собрав свои нехитрые пожитки и вкусив напоследок обед бабы Мани, мы отбыли к новому месту работы.

Директор элеватора, невысокого роста мужичок с бегаящим взглядом, не стал выяснять уровень наших знаний в области наружной покраски высотных зданий. Он только лишь поинтересовался уровнем отката и, удовлетворённый ответом, спросил, приходилось ли нам работать с силикатными красками. Сашка Дышлюк, представлявший интересы команды, на это лишь возмущённо повёл плечами, что должно было означать, будто мы родились среди этой группы красящих веществ. Ответ директора удовлетворил, договор, по которому мы должны были получить за работу шестнадцать тысяч рублей, подписан, и мы отправились осваивать сарайчик, который стыдливо назывался общежитием для рабочих. Рядом с ним находился колодец с кристально чистой и необыкновенно

вкусной водой. Здесь можно было умыться. Коробка туалета, стоявшего в густых зарослях травы, была, по общему мнению, при нашем уровне питания совершенно лишним архитектурным элементом.

Элеватор произвёл на нас суровое впечатление, прежде всего, своими размерами. Центральная башня его возвышалась над землёй метров на шестьдесят, примыкавшие к ней силосы имели высоту где-то около тридцати метров. Задумчиво стояли мы у подножья этого колосса, размышляя каждый о своём. Общее мнение, прикуривая сигарету, выразил Юра:

— П-приехали, — сказал он, — как-то жить вдруг захотелось, а я ко всему ещё и высоту не переносу.

— И я, — добавил Коля, — к тому же у меня от этой работы уже геморрой разыгрался.

— Синберг вообще отпадает, — внёс я свой вклад в обсуждение проблемы, — если, не дай Бог, с ним что случится, Вера Исааковна меня просто убьёт.

— Значит, красить будем вдвоём, — подвёл итог дебатам Сашка Дышлюк, — я буду первым, а там посмотрим.

Припомнив полученные в университете знания в области сопромата, мы рассчитали и сварили люльку, которую через блок подвесили к

консоли, закреплённой на кровле здания. Согласно расчётам, для того, чтобы выдержать вес люльки, человека и материалов достаточно было иметь трос диаметром пять миллиметров. При этом запас прочности составлял не меньше трёх. На складе такого диаметра, слава Богу, не оказалось и пришлось довольствоваться десятимиллиметровым тросом, что было вполне разумно.

Из нормировочника мы узнали рецептуру состава силикатных красок, отремонтировали машину для нанесения этих самых красок, и вскоре были готовы к началу непосредственных работ по штукатурке и покраске элеватора.

Саша залез в люльку, стоявшую на земле, и мы начали вращать ручку лебёдки, медленно поднимая его к кровле силоса. Вскоре он помахал рукой, Синберг включил машину, и первые квадратные метры поверхности элеватора расцвели нежным цветом листьев раннего салата. В этот день люлька дважды взмывала в небо и дважды опускалась на грешную землю. Несложные расчёты показали, что, если карта ляжет хорошо, то при столь низких темпах работа будет закончена где-то к ноябрю. Такая арифметика привела нас в состояние лёгкой депрессии. Стало ясно, что нужно что-то предпринимать, но никто не мог понять, как оно выглядит, это «что-то».

Решение пришло неожиданно, когда наш

предводитель был вынужден оставить покраску нового объекта и отправился в село Нычково получить деньги за ремонт свинарника. Посовещавшись, мы решили изменить технологию работ. Ранним утром, когда солнце тёплым светом залило ещё дремлющие окрестности, я по внутренней лестнице поднялся на кровлю и, перекрестившись, через ограждение перелез в висящую подо мной на тросике пустую люльку, которую ребята быстро подогнали к этому времени. Вниз я старался не смотреть, сказать честно, было страшновато. Вскоре заработал распылитель, и первые капли краски мягко легли на цементную поверхность. Через два часа люлька, чуть вздрогнув, коснулась земли. Не теряя времени два человека наверху передвинули консоль в новое положение. Я снова по лестнице бегом поднялся наверх, где на сорока метровой высоте меня уже ждала, чуть покачиваясь, пустая люлька.

Позже вечером Сашка Дышлюк рассказывал:

— Еду из села, смотрю, ни фиги себе, одну сторону силоса уже покрасили. Еду обратно и, глазам не верю: вторая сторона тоже покрашена. Ну, молодцы, коллеги! А я наши денежки получил, но сюда не стал везти, решил, что дома они будут как-то целее.

После этого работа резко ускорилась. Я так и остался на покраске, остальные занимались

штукатуркой и подготовительными работами. Быстро летели похожие друг на друга дни, каждый из которых начинался в пять утра и заканчивался в десять вечера. Мы дополнительно утратили в весе, а Дышлюк стал ещё больше походить на Христа в молодости. У Синберга лопнули последние пригодные для носки брюки, и он носил, по сути, две отдельные никак не связанные между собой штанины, привлекая нездоровое внимание женской части работников элеватора. Юра и Коля стали походить на резиновые шарики, из которых выпустили чуть больше, чем следовало воздуха. На обычные в начале трудовой эпопеи шутки не оставалось ни сил, ни времени.

Но всё в этом мире когда-то заканчивается, подошла к концу и наша работа. На фоне безупречно голубого неба высился элеватор, выкрашенный в не менее безупречный цвет листьев свежего салата. Мы сфотографировались на его фоне, как-то без проблем получили наши деньги и ровно за день до окончания отпуска вернулись домой.

Вера Исааковна ахнула, увидев исхудавшего сына, и только то, что он вернулся без видимых травм, а сам я выглядел не лучше, спасло меня от неминуемой кончины. Впрочем, узнав, сколько мы заработали за месяц, она быстро пришла в хорошее настроение и принялась откармливать нас с

усердием истинно еврейской мамы.

Жены не было дома. Её работа в техникуме по затратам времени сильно напоминала нашу на элеваторе, чего нельзя было сказать об уровне оплаты труда юного преподавателя экономических дисциплин. Полученные деньги, чуть более двух с половиной тысяч, я, не найдя лучшего места, положил в кастрюлю и поставил её на стол. Выданные нам пяти рублёвыми купюрами, они заполнили посудину доверху.

Я лёг на кровать, закрыл глаза, ощущая в животе непривычную тяжесть еды, и представил, как она придёт, обрадуется, увидев меня, и спросит, как дела. Я же небрежно так отвечу, что неплохо в целом, жив, как видишь, и заработал малость: посмотри, мол, там, в кастрюльке. Она откроет крышку и очень удивится, увидев её содержимое. А вечером мы пойдём в кино. С этой мыслью я и уснул, а когда проснулся, то была уже середина следующего дня.

За окном светило солнце, а на столе лежала записка: «Ты просто молодец: это же пропасть денег! Обед на кухне. Целую». Я прочитал, улыбнулся, вспомнил начало этой истории и подумал, что реально бешеные деньги таки существуют, но путь к ним не так прост, как это видится вначале неискущённому в жизни человеку.

На работе, куда я вернулся после отпуска, все

нашли меня слегка посвежевшим.

Надеюсь, мне удалась попытка развлечь Вас, дорогая Матильда. Напишите мне, что думаете Вы об этом. И вообще, если уж я решил придать моим письмам повествовательный оттенок, почему бы Вам, имея филологическое образование и опыт преподавательской работы, не стать литературным критиком моих любительских упражнений? Я был бы Вам очень признателен. Подумайте об этом.

С нетерпением жду ответного письма.

Днепропетровск, 14 января 2012 года

Ваш А.Н.

3. Очарование весны (Письмо третье к несравненной Матильде)

Дорогая Матильда! В настоящее время я нахожусь в Трускавце, где пью местную минеральную воду под названием «нафтуся», принимаю в своём санатории полезные для здоровья процедуры, а в свободное время просто брожу по окрестностям. Я люблю этот маленький курортный городок. Люблю за необычную для наших мест архитектуру, за уют тесных улочек и

парков, за беззаботную атмосферу, позволяющую забыть на время суету больших городов.

Трускавец располагает к себе в любое время года, но особенно он хорош весной, когда оживает после зимнего сна природа, а вместе с ней и люди, которые вдруг начинают замечать, что мир вокруг неуловимым образом меняется, пробуждая позабытые в каждодневной суете чувства. Такие, например, как те, что нашли отражение в двух небольших рассказах ниже. Не скрою, интересно будет узнать Ваше мнение о том, в какой мере удалось мне передать те ощущения, что испытал когда-то я сам, наблюдая, слушая и перенося всё это впоследствии на бумагу.

3.1. Апрельский этюд

На смену зимнему пейзажу с окутанными снегом деревьями пришла нежная акварель весны.

Артур Голден. Мемуары гейши

От санатория к нижнему буюету можно идти разными путями, но лучше всего через старый парк. Так и ближе, и интереснее. Вымощенная светло-серыми плитами дорожка за оградой круто поворачивает влево и неторопливо устремляется вниз мимо склона, покрытого аккуратно

подстриженным газоном с изумрудной травой и одиноко растущими деревьями. Затем на её пути встречается мостик, перекинутый через весело журчащий ручей. В нос ударяет лёгкий нефтяной запах, присущий местным минеральным водам.

Слева в выложенной камнем чаше находится небольшой источник с водой, которая содержит довольно много глицерина. Согласно местной легенде, умывшись в нем, женщины обретают вторую молодость, а некоторые, что скрывать, даже первую. Отдыхающие дамы знают об этом и рано утром приходят сюда совершить таинство омоложения. Если в это время к источнику молодости случайно забредёт мужчина-шатун и остановится в шоке, ослеплённый наготой женских тел, его встретят дружным поощряющим визгом. Незабываемое это зрелище останется в его травмированном сознании на всю оставшуюся жизнь, и когда-нибудь, вспомнив напоследок увиденное, он уйдёт в лучший мир со счастливой улыбкой на губах.

За мостиком вы инстинктивно бросаете взгляд на родник с молодильной водой, но, пересилив себя, поворачиваете вправо и окунаетесь в прохладу старого парка с его более, чем столетней историей. В незапамятные времена эти места принадлежали Речи Посполитой. Шляхетное панство со всей Польши съезжалось сюда попить

целебную воду, поправить здоровье и просто пообщаться. В центре парка расположен памятник Адаму Мицкевичу, поставленный благодарными соотечественниками. Вокруг памятника разбиты клумбы, стоят скамейки. Поэт почему-то обращен лицом к невзрачному деревянному строению, выкрашенному в зелёный цвет, изначальное назначение которого скрыто в глубине времени. На моей памяти оно служило бильярдной, затем прибежищем местных коммунальных служб, а сейчас и вовсе имело окончательно заброшенный вид. Впрочем, это не мешало образцу местного деревянного зодчества иметь табличку «Памятник архитектуры XVIII века. Охраняется законом».

В благодатной тиши, слегка разбавленной птичьим щебетом, на скамейках сидят отдыхающие, читают книги, газеты или просто нежатся под ласковым апрельским солнцем. Умытая недавним дождём, уютно смотрится скульптурная группа, к которой с трёх разных сторон сбегаются дорожки и от неё же убегают прочь. Неподалёку девушка играет на кларнете. Грустная мелодия мягко разливается вокруг и словно сигаретный дым растворяется в кронах деревьев.

Природа просыпается от надоевшей зимней спячки с какой-то неистовой силой. Склоны местности уже сплошь покрыты мелкими

голубоватыми цветами неизвестного названия. Деревья, как бы соперничают друг перед другом, демонстрируя самую свежую, самую яркую листву, на какую только способны. На площади за парком расцвела магнолия, сакура, на клумбах ярко желтеют нарциссы и красуются тюльпаны. Старушки ненавязчиво предлагают вам перевязанные нитками букетики пролесков. Они пахнут лесной свежестью, пробуждая в душе лёгкое волнение.

Всё вокруг пребывает в мире и покое, как это независимо от времени года бывает только в церквях, библиотеках да маленьких курортных городках.

Трускавец, 17 марта 2008 года

3.2. Сиреневый туман

«Сиреневый туман над нами проплывает,
Над тамбуром горит вечерняя звезда...».

Слова из популярной песни

Лучшее время года для поездки на курорт это

май, особенно его начало. Санатории полупусты, поскольку отдыхающих немного: праздники, дачи, огороды. Уже почти по-летнему тепло и солнечно, но нет той влажной жары, которая в этих местах свойственна июлю или августу. Вокруг цветёт всё, даже то, что по определению, казалось, цвести не может. Буйство красок, запахов, свежей зелени в состоянии вскружить голову кому угодно, независимо от возраста, пола и социальной принадлежности. По дорожкам терренкуров медленно перемещаются лишённые привычных забот люди, не замечая, что на их лицах блуждает случайная улыбка, как следствие неожиданной внутренней гармонии с окружающим миром.

Я, идя к бювету или на обратном пути, любил остановиться у памятника Адаму Мицкевичу в старом парке. К тому располагало обилие свободного времени и неясное томление духа. Здесь, сидя на скамейке, можно было наблюдать за живописной окрестностью, вдыхая полной грудью весенние запахи, и, наконец, просто расслабиться, радуясь внезапно нахлынувшей свободе. Сказать, что это было хорошо, значит не сказать ничего: ощущение было просто божественным.

В один из таких весенних дней, кажется, это была суббота и всего лишь пятый день моего пребывания на отдыхе, я вошел в парк, готовясь принять дневную порцию воды. Моя привычная

скамейка оказалась занятой. На ней расположился молодой мужчина лет сорока с газетой в руках. Я поздоровался, спросил, не помешаю ли, и, получив удовлетворительный ответ, присел на другом конце скамейки, раскрыл свою газету и погрузился в интересную статью, в которой автор, известный российский политолог, весьма аргументировано излагал своё мнение относительно будущего Евросоюза. По его версии оно было неутешительным. Мысленно согласившись с автором, я взглянул на часы. Пора было идти к бювету. В это время мой случайный сосед, извинившись, поинтересовался, какой у меня номер еженедельника. Услышав ответ, он спросил, не может ли он почитать его. Я предложил ему оставить газету, поскольку она мне уже была не нужна. Мужчина поблагодарил, и мы расстались.

На следующий день утром, случайно встретившись у газетного киоска, мы поздоровались уже как давние знакомые. Курортная жизнь быстро сближает людей то ли вследствие своей краткости, то ли в силу нашей стадной привычки находиться внутри хотя бы небольшого социума. Мы вместе с Виктором, так звали моего нового знакомого, пошли прогуляться по площади в перерыве между приёмом первой и второй воды.

Оказалось, что живёт он в соседнем санатории, и у него, как и у меня, тоже пошёл

шестой день пребывания на курорте. Родом Виктор был из Киева, имел университетское образование в области юриспруденции, в связи с чем и трудился адвокатом, специализируясь на хозяйственном праве. Скромно заметил, что считается неплохим юристом и достаточно востребован в этом качестве не только в городе, но и за его пределами. Это объясняло европейское происхождение его одежды, лонжин на руке и выражение лица, свойственное людям, для которых деньги лишь средство для достижения личной независимости.

Так сложилось, что в последующие дни, выходя на приём воды и вечерние прогулки, мы созванивались и вдвоём отправлялись в район нижнего бьюета, чтобы не спеша побродить по городским улочкам или просто посидеть вечером в кафе за рюмкой хорошего местного коньяка. Примерно одинаковый возраст, общность интересов — всё это довольно быстро сблизило нас, и мы получали обоюдное удовольствие от общения.

Тема курортных романов, неизбежная и самая животрепещущая для мужских разговоров везде, а здесь в особенности, несколько раз случайным образом возникала и у нас, но Виктор лишь отшучивался по этому поводу, мягко меняя направление беседы. Я заметил его реакцию и не стал более поднимать проблему взаимоотношений полов на фоне глобальной деградации института

брака. Хотя, признаться, это и казалось несколько странным, учитывая его возраст и весьма неслабую, на мой взгляд, мужскую привлекательность. Виктор был из той редкой породы нестареющих мужчин, обладающих каким-то особым шармом, который только усиливается с возрастом, словно магнитом притягивая женские взоры.

Ему часто звонили: сказывались особенности профессии. Извинившись, Виктор хорошо поставленным голосом обстоятельно отвечал невидимым абонентам, постепенно обогащая меня тонкостями своего ремесла. Иногда это была жена, она содержала косметологический салон, или дочь — студентка последнего курса факультета журналистики. Эти разговоры, как правило, не были конфиденциальными и без проблем велись в моём присутствии. Исключение составляли лишь отдельные звонки, настроенные в телефоне на особую тональность. Услышав их, Виктор незамедлительно вставал, отходил в сторону и довольно долго с кем-то общался. В этих случаях он возвращался в несколько ином, приподнятом, состоянии.

Как-то, отойдя, он оставил свой iPhone на столе. Когда тот зазвонил тем самым особым образом, я инстинктивно взглянул на экран и всё понял. На меня смотрела молодая женщина, удивительно похожая на Екатерину Гусеву из

культовой «Бригады». Она улыбалась, и это была не просто улыбка. Это была улыбка той самой единственной женщины, которые так редко встречаются в жизни мужчины. Виктор подошёл, взял призывно звонящий телефон и посмотрел на меня. Что-то отразилось в его глазах, наверное, и я по-особому взглянул на него, но только он при мне прикоснулся к сенсору вызова и произнёс:

— Я слушаю тебя, моя радость.

То, как была произнесена эта фраза, лишь подтвердило мои предположения. Это была Она. И это был ничего не значащий разговор двух истосковавшихся в разлуке людей, когда смысл произносимых слов не имеет значения, достаточно лишь слышать голос другого человека. Вскоре Виктор положил телефон, помолчал немного, задумавшись, и предложил выпить. Я не стал возражать. Официантка принесла нам очередную порцию коньяка, нарезанный тонкими ломтиками лимон. Мы молча чокнулись и выпили. А потом он рассказал свою историю.

Это случилось десять лет назад в этом же курортном городке. Судьба распорядилась так, что они оказались в одной санатории, за одним столом и жили в соседних номерах. Ему тогда было тридцать три, ей на десять лет меньше. Он был женат, дочери было одиннадцать лет. Она была замужем, и у неё тоже была дочь, которой только

что исполнилось три года. Родилась она в небольшом городке на западе Украины, родители имели глубокие польские корни, что и определило её имя при рождении — Ванда. Она довольно легко поступила в университет во Львове. После того, как рано вышла замуж за своего одноклассника и родила, вынуждена была перевестись на заочную форму обучения и вернуться домой, где и преподавала в школе английский язык.

Муж, тоже филолог, долго не мог найти работу по специальности и вынужден был определиться водителем грузовика на дальних рейсах. Это спасло семью от финансового краха. Жизнь от бедной и бесперспективной стала медленно меняться в лучшую сторону. Всё это в первую очередь тяжело воспринималось психологически, а от нервов до болезни один шаг. Ванде настоятельно порекомендовали привести в порядок почки. К этому времени семья могла себе это позволить, и в начале октября, оставив дочь и мужа на попечение родителей, она поехала пить минеральную воду.

У Виктора жизнь складывалась куда как более удачно. К этому времени он уже имел хорошую практику и прочное финансовое положение, благодаря наличию богатых клиентов, которым обеспечивал личное юридическое сопровождение в их беспокойной, а порой и небезопасной,

деятельности. Эта работа требовала ответственности, больших затрат времени и нервов. Так получилось, что за все эти годы он впервые вырвался в отпуск. Бессонница вымотала его совершенно, и врачи настоятельно рекомендовали уехать куда угодно и просто выспаться. По этому же поводу подняла скандал жена, и Виктор, наугад выбрав курортный город, а в нём санаторий, уехал ранним октябрьским днём, чувствуя себя старым и больным человеком.

Кристалльно чистый воздух, необходимость ходить к бювету по десять километров в день привели к тому, что первые дни он спал всё свободное от процедур время. И только через неделю за завтраком, поднимая глаза, он увидел молодую женщину, сидящую напротив него за одним столом. Она, чуть заметно улыбаясь, смотрела на него, и Виктор внезапно почувствовал, как у него замерло, а затем вдруг быстро забилось сердце, и кровь прилила к лицу. Он как-то неловко улыбнулся в ответ, уткнулся в свою тарелку и, наскоро проглотив потерявшую вкус еду, вышел из-за стола, сославшись на процедуры.

Казалось, сама жизнь толкала их навстречу друг другу и сопротивляться этому не было никаких сил. Она устраивала так, что они одновременно выходили из своих комнат и вынуждены были познакомиться заново, поскольку

Виктор, пребывая первые дни в сомнамбулическом состоянии, совершенно не помнил имен соседей по столу. Она сводила их в очереди на лечебных процедурах, сталкивала у бювета с водой, и они, беседуя о всяких пустяках, медленно возвращались по парку в санаторий, на короткое время ставший их домом.

Прошло всего несколько дней, и Ванда стала ловить себя на том, что с беспокойством ищет взглядом отошедшего по какой-то причине Виктора и чувствует удивительный покой, когда он рядом. Из разговоров, которые он вёл по телефону в её присутствии, она поняла, что это человек из другого мира: богатого, сложного, интересного. Того, что всё реже виделся ей в мечтах. Ей было приятно брать его под руку, ощущая тепло и упругость бицепса, ловить на себе внимательные взгляды встречных женщин, приятна была малейшая забота с его стороны.

Виктор же был просто счастлив, как пятнадцатилетний мальчишка, вдруг обнаруживший в своей подружке черты будущей женщины и потерявший голову от этого открытия. В Ванде он находил те особенности женского характера, которые выдумывал в своих редких мечтах и которых, как ему уже казалось, просто не существует в реальном мире. Такого по определению не могло быть в этой жизни. Но она

была, была рядом: уютная, тёплая, родная. Ею хотелось дышать и наслаждаться. От этого сладко ныло сердце и было непередаваемо хорошо.

Всё, что произошло с ними дальше, было вполне в духе курортного романа. Были бессонные ночи, полные любви, были длинные прогулки по окрестностям городка, были долгие поцелуи в старом парке под пристальным взглядом польского поэта. Однажды поздним вечером, возвращаясь в санаторий, она вдруг остановилась и потрясённо произнесла:

— Витя, смотри, там туман... сиреневый.

Они замерли. Действительно, в призрачном свете луны вдоль тропинки, поднимающейся вверх, в полной тишине курился сиреневый туман.

— Я думала, такое бывает только в песне, — прошептала она тихо. Он обнял её сзади, прижав к себе, и они долго стояли, боясь нарушить очарование мгновения.

Быстро пролетело время. Заканчивался отпуск, и пора было разъезжаться по своим городам, возвращаться к семьям, к реальной жизни. Они договорились встретиться в будущем году. Виктору было несложно договориться о путёвках в том же санатории.

Медленно тянулся этот год, несмотря на частые звонки друг другу. Но всё компенсировала долгожданная встреча. Виктор приехал на день

раньше, чтобы встретить её на вокзале. Это был сюрприз, и радость в её глазах была безмерной. Их ждал впереди месяц невероятной любви. А затем очередная разлука на долгий год.

Так продолжалось десять лет. Они устали от такой жизни, но оба были обязательными людьми. Они договорились, что подождут, пока дети станут достаточно взрослыми, а потом станут добиваться развода и, наконец-то, будут вместе. К этому времени у Виктора состоялся разговор с женой. Женское чутьё трудно обмануть. Она понимала, что с мужем что-то происходит. Виктор догадывался, что жизнь проста, но не думал, что настолько. Оказалось, что у жены примерно та же ситуация, и она давно ищет повод для подобного разговора. Стало как-то легче. Был также долгий разговор с дочерью, она уже была, слава Богу, достаточно взрослой и всё поняла правильно.

Ванда в свою очередь пыталась разрешить эту ситуацию у себя дома. По натуре она была мягким человеком, и сама мысль о том, что по её вине будут страдать окружающие, а это было бы неизбежным, казалась ей ужасной. Но она уже была готова к этому решающему шагу.

Казалось, всё складывается хорошо. Да только за несколько дней до очередной встречи вдруг неожиданно позвонила Ванда. Сквозь слёзы она сказала, что вчера решила на разговор. Они всё

обсудили довольно мирно, а утром мужу вдруг стало нехорошо, его госпитализировали, подозрение на онкологию. Оба сразу поняли, что счастье отодвигается. И вот он здесь, она там, и что будет дальше — совершенно неясно.

Мы долго сидели в тот вечер, обсуждая превратности судьбы, и просто молчали. Расстались на развилке, пожелав друг другу спокойной ночи. Я понимал, что спокойной ночи у Виктора не будет.

Следующим утром он позвонил и сказал, что едет к ней. «Будь, что будет. Я больше так не могу», — сказал он, прощаясь. В тот же день, неосторожно наклонившись, я случайно уронил свой телефон в ручей, протекающий под мостиком в старом парке. Заметил пропажу только к полудню, часа через четыре. Телефон я нашёл, но он довольно долго пробыл в агрессивной воде, и база данных была безнадёжно утеряна. Я так и смог отыскать Виктора, на курортах не принято представляться полностью при знакомстве. Но я не теряю надежды найти его и узнать, чем же закончился этот курортный роман, в котором таким сложным образом переплелись две человеческие судьбы. И суждено ли им было хотя бы раз ещё в своей жизни увидеть тот самый сиреневый туман.

Днепропетровск, 21 февраля 2011 года.

Жду Вашего письма, дорогая Матильда, и, прошу Вас, не нужно быть чрезмерно деликатной, оценивая мои упражнения в прозе. Хорошая порция разумной критики безусловно пойдёт мне на пользу. Искренне надеюсь, что Вы и Ваше окружение здоровы, а возникающие жизненные проблемы необременительны и разрешимы.

Всегда Ваш А.Н.

4. Эпизод (Письмо четвёртое к несравненной Матильде)

Дорогая Матильда! За окном моей комнаты всё ещё буйствует весна, но пройдёт ещё совсем немного времени и наступит лето со всеми его прелестями и недостатками. Люблю я эту пору года и жду с нетерпением, как ждал её и встретил однажды человек, рассказ которого заставил меня задуматься о роли случая в нашей жизни.

Вы никогда не думали о том, что любая случайность, происходящая с нами в настоящем, предопределена огромным количеством событий, произошедших в прошлом, и не только в нашем? Такая случайность может быть незначительной и

практически никак не отразиться на судьбе человека, а может стать и знаковым событием, испытанием, после которого жизнь меняется совершенным образом, как изменилась она для парня, попавшего неожиданно для себя в тиски обстоятельств.

Послушайте эту историю, возможно, она покажется Вам интересной.

Боль — это адекватная реакция организма на физическое или психическое воздействие. Апофеоз боли соответствует состоянию, когда физическое воздействие приводит к необратимому психическому нарушению и в итоге сливается с ним.

Заключение, основанное на личном опыте

Очередная попытка уснуть ни к чему не привела. Боль в стопе левой ноги становится всё более ощутимой. Впрочем, экспериментальным путём я установил, что если эту самую стопу положить на колено правой ноги и ритмично её поглаживать, то боль как-бы слегка рассасывается и, в принципе, её можно было терпеть. Я поднимаюсь с кровати. Мои соседи, счастливые люди, спят глубоким сном: кто сам по себе, кто под действием лёгких транквилизаторов. Часы показывают начало второго ночи. В хирургическом отделении, куда меня занесла судьба, тихо. Лишь

случайные негромкие звуки в трубах отопления изредка нарушают больничный покой.

Курить мне категорически запрещено, но в глубине нижнего ящика убогой тумбочки, стоящей возле кровати, таится недокуренная сигарета. Слабый запах табака, неразличимый для некурящего человека, доносится до моего обоняния весь день, усиливая и без того мерзкое состояние души и тела. Я осторожно извлекаю окурок из его укрытия и с наслаждением, закрыв глаза, вдыхаю полной грудью запах дешёвой сигареты. Мне понятно, что этим я ещё более усиливаю спазм артерий в моих конечностях, но ничего не могу поделать с собой. Всё-таки слаб человек, раб собственных привычек, хотя, с другой стороны, именно слабости делают нас теми, кто мы есть на самом деле — живыми людьми.

В предбаннике туалетной комнаты, которая носит громкое название манипуляционной по той причине, что здесь иногда ставят клизмы предоперационным больным, кроме меня находятся ещё два человека — Андрей Морковкин, его все зовут только по фамилии, и Павлович, человек без имени, без фамилии и, судя по диагнозу, без будущего. Все мы здесь в середине ночи находимся по одной причине: нас терзает боль. У каждого для этого существует своя причина.

Маленький ершистый Морковкин попал в

больницу из небольшого села, расположенного неподалёку от Березников — второй, северной, столицы Пермского края. Он недели две назад закончил строительство нового дома и решил обмыть это событие с двумя братьями постарше. Братья выпили всё, что могло гореть, и им, как обычно, показалось, что этого мало, но часы уже пробили двенадцать, а в столь позднее время только чудо могло спасти их алчущие души. И в этот момент Морковкин вспомнил, что видел, как жена прятала в комод, временно стоящий на просторной кухне, чекушку спирта.

Восхищённый своей памятью и способностью решать, казалось бы, нерешаемые проблемы, он метнулся на кухню и вернулся с маленькой бутылочкой в руках. Нисколько не смущаясь тем обстоятельством, что на ней отсутствует этикетка, хозяин дома вылил в стакан ровно треть её содержимого, резко выдохнул в сторону воздух и одним глотком влил предполагаемый спирт внутрь себя. Ощущение было такое, словно он глотнул жидкий огонь, что, впрочем, было недалеко от истины. В маленькой бутылочке жена хранила серную кислоту для чистки ванны. Скорая увезла Морковкина, который до этого наивно полагал, что самая сильная это зубная боль, в районную больницу, где доктора, покачивая головами, не стали обещать ему ничего хорошего.

Беда, как известно, не приходит одна. Через сутки после этого происшествия по неизвестной причине загорелся его новый дом. Выложенный из сухих лиственничных брёвен, он сгорел за считанные часы. Жена Морковкина выпрыгнула со второго этажа и, слава Богу, попала в сугроб, сильно ударившись при этом головой, подтвердив тем самым его уверенность в том, у женщин это и есть самое слабое место. С сотрясением мозга её увезли в местную больницу. Дети по причине каникул ночевали у тёщи, что, собственно, и спасло их юные жизни.

У Морковкина определили полную непроходимость пищевода и готовили к операции. С таким диагнозом он ничего не ел, не пил, жил только за счёт того, что попадало в его организм из капельницы, и постепенно худел. При его росте и субтильном телосложении в настоящий момент он весил чуть больше сорока килограммов, и все его мысли были сосредоточены исключительно на черве, который непрестанно грыз его изнутри двадцать четыре часа в сутки. Единственной радостью, связывающей его с окружающим жестоким миром, была сигарета, которую он не выпускал из рук, сидя на корточках в прокуренном предбаннике манипуляционной комнаты.

Павлович в свои сорок с небольшим лет был директором крупной автобазы. По местным меркам

считался весьма обеспеченным человеком и завидным женихом, поскольку никогда не был женат, чем, кстати, очень гордился. Брюнет с ярко-голубыми глазами, под два метра ростом и при весе в сто двадцать килограммов, выглядел он прекрасно. Но с полгода назад Павлович неожиданно для себя почувствовал, что каждое посещение туалета становится для него всё большей проблемой. Будучи человеком с обострённым чувством собственного достоинства, он долго терпел этот дискомфорт, пока боль не стала невыносимой. Тогда, багровея и привычно срываясь на мат, он обратился к врачам.

Его обследовали и довольно быстро диагностировали рак прямой кишки в довольно запущенном состоянии. Это была катастрофа. Боль, выпущенная на свободу, порой превращала его в животное. Павлович жил на смеси промедола и анальгина, постепенно увеличивая её дозу, всё больше худея и мрачней. Поток женщин самых разнообразных комплекций, окраски и темперамента, напоминавший вначале его больничной эпопеи бурную реку, постепенно иссяк, и теперь напоминал лишь вялый ручеек в летнюю сушь. Сигареты и невесёлые мысли стали его привычными и верными спутниками.

Я — третий, самый молодой человек в этой специфической компании. Летом мне исполнилось

двадцать восемь лет, что практически совпало с окончанием первого года аспирантуры. Прозаический объект моих исследований находится в глубине местных калийных рудников и никакого интереса для среднестатистического человека не представляет. Наука продвигалась успешно, август я провёл на море и смотрелся с учётом возраста прекрасно, то есть со стороны как-бы всё выглядело вполне пристойно. Возникали, правда, некоторые неприятные ощущения в области икры левой ноги при ходьбе, но кто обращает на это внимание в таком возрасте.

К осени это неудобство переросло в онемение стопы и некое подобие боли, усиливающейся ночью и мешающей полноценно жить днём. Тогда я решил обратиться к медикам. Толку от этого обращения было немного, диагноз так и не был поставлен, и, в конце концов, ведущая меня врач — полная неопрятная женщина с рыбьими глазами — прямо сказала, чтоб я перестал изображать из себя бесконечно больного человека и ехал бы в свою командировку. Я так и поступил, убедившись впоследствии на собственном примере, что в нашей жизни гнев далеко не самый лучший советчик.

Через месяц на Урале, вдали от дома, я попал в больницу с неутешительным диагнозом — облитерирующий эндартериит. Попал случайно, просто моего соседа по гостиничному номеру

немного достала моя бессонница. У него в городе оказалась знакомая, которая с удовольствием откликалась на имя Валя и работала врачом-терапевтом, а её подруга — Капитолина Павловна — по стечению обстоятельств была известным в этих местах хирургом.

При росте сто семьдесят девять сантиметров Валентина имела весёлый нрав, килограммов восемьдесят роскошного тела, румянец во всю щеку и ни капли жира под белоснежной кожей. В случае необходимости, она, не задумываясь, остановила бы на скаку коня и запросто вошла бы в горящую избу. Обладая какой-то просто невообразимой энергией, она взяла надо мной шефство, а Капитолина Павловна стала, соответственно, моим лечащим врачом.

Здесь следует заметить, что в отличие от своей лёгкой подруги, это была довольно жёсткая женщина лет пятидесяти с кайенским перцем в характере и обликом неприступной дамы из общества. Её не осмеливались задевать ни по какому поводу, это касалось и пациентов, и заведующего отделением хирургии, и даже главврача. Она никогда не была замужем, обладала недюжинным умом чисто мужского склада и полным отсутствием чувства юмора, что служило основой для многочисленных анекдотов по этому поводу.

Вот эти две женщины — молодая и постарше — не только существенно скрасили мою жизнь в те нерадостные дни больничной эпопеи, но и в значительной мере определили дальнейшую судьбу.

Я жестом прошу прикурить, и Морковкин также молча протягивает мне свою сигарету. С наслаждением вдохнув первую за сегодняшний день порцию табачного дыма, я подхожу к Павловичу, который стоит у окна. Сидеть в силу особенностей своей болезни он не может, только стоять или лежать. Мы молча курим и смотрим на заснеженный слабо освещённый больничный двор.

За оконным стеклом глубокая ночь, мороз градусов под тридцать, всё укрыто толстым слоем снега, который непрестанно идёт вот уже вторую неделю подряд. Возле мусорного ящика, стоящего под фонарём, пустынно. Днём же здесь идёт нешуточная борьба за пищевые ресурсы между двумя местными бичами и тройкой беспризорных собак. Обычно эта борьба оканчивается победой животных, которых внутривидовой отбор и местный суровый климат превратили в совершенный аппарат для выживания. Огромные, с густым мехом и мощными клыками, они представляют серьёзную угрозу любому, кто осмеливается стать на их пути к пище. Сейчас они где-то спят, может даже в обнимку с теми же

бичами, с которыми делят свою территорию.

Слово «бич» расшифровывается в этих местах как «бывший интеллигентный человек». Это в каком-то смысле эквивалент нынешнего определения «бомж». Опыт показывает, что при определённом стечении обстоятельств зыбкий налёт цивилизации удивительно быстро слетает с человека. Стоит только ему попасть в соответствующие условия, и он с облегчением скатывается к подножью эволюционной лестницы. Туда, где не нужно напрягаться, удерживаясь в соответствии с принятыми нормами жизни в положенной тебе ячейке того социального слоя, который обеспечивает определённый уровень комфорта, туда, где всё просто и естественно, где главную роль играют мышцы, зубы и примитивные инстинкты.

Мы молчим, погружённые в свои мысли, лаская каждый свою боль. Завтра вторник, операционный день. Будут, наконец-то оперировать Морковкина. Павлович, как обычно, остаётся на скамье запасных. Меня тоже ожидает первая в моей жизни операция, как ни странно, на позвоночнике. Называется она симпатэктомия. В ходе её у меня будут удалять какие-то нервные отростки — ганглии. Теоретически это должно уменьшить спазм моих артерий и улучшить приток крови к ногам. Теоретически, а там жизнь, как говорится,

покажет. После тех манипуляций, что вот уже третью неделю проделывает со мной Капитолина Павловна, казалось бы кровь должна циркулировать во мне как горячая вода в хорошей системе отопления, однако этого не происходит. Через пять дней Новый год, и я уже точно знаю, что встречу его здесь, в хирургии. Мы будем вдвоём: я и моя боль, которая с каждым днём становится всё сильнее и сильнее. Интересно, она имеет свой предел или нет? А если имеет, то какой? И что-то мне не хочется думать о том, что ожидает меня там, у этого предела.

Сигарета докурена, мне нужно попытаться лечь и уснуть. Я оставляю так и не проронивших ни слова товарищей по несчастью и иду в палату. Там я устраиваюсь на кровати в положении полусидя и вскоре, как ни странно, засыпаю. В эту ночь под утро мне впервые приснился сон, который потом мне виделся всё чаще и чаще по мере того, как ухудшалось моё состояние.

Я плыл в тёплом голубом море к едва заметной у горизонта линии берега. Плыть становилось всё тяжелее, но ощущение бездны подо мной, населённой жуткими существами, о которых рассказывали книги, придавало сил. В какой-то миг я почувствовал, как мои ноги коснулись кого-то огромного и упругого. Бешено забилось сердце, разгоняя адреналин по уставшему телу. Я нырнул,

раскрыл глаза и в зеленоватой тьме увидел поднимающийся ко мне из глубины светлый силуэт акулы. Она схватила меня за ногу и рывком по инерции подняла на поверхность. Я закричал от нестерпимой боли и проснулся.

Было раннее утро. Испещрённый наколками сосед справа сидел на кровати и испуганно смотрел на меня:

— Ты чё, братан? Приснилось что-то страшное?

Я не мог говорить, пытаюсь привести в порядок дыхание. Наконец, отдышавшись, проговорил:

— Ничего, всё нормально, просто дурной сон.

— Бывает, ты сплунь и перекрестись. Моя бабка говорила, что помогает.

Я последовал совету умудрённого жизнью человека и пошёл готовиться к предстоящей операции.

Она не принесла ожидаемого эффекта. На несколько дней температура левой ноги действительно поднялась на пять-шесть градусов, но потом снова упала до прежней отметки. На мизинце левой ноги появилось маленькое тёмное пятнышко. Капитолина Павловна, мрачняя, объяснила, что это начало некроза. Накануне Нового года консилиум врачей посоветовавшись, решил, что мне сразу после праздников нужно

ехать в Москву, в институт военно-полевой хирургии, где в клинике известного профессора Графова, по слухам, успешно занимались моей проблематикой.

В новогоднюю ночь незадолго до полуночи я получил свою первую дозу наркотика, ибо только он мог снять на время всё нарастающую боль. Потом я принимал всё большие его дозы в течение долгих пяти месяцев, но никогда уже мне не пришлось испытать тех незабываемых ощущений, какие посетили меня тогда, в морозную ночь под Новый год. Через минуту после инъекции ушла боль, и меня окутал серебристый туман. Ставшее невесомым тело парило в нём, ощущая удивительное тепло и покой. Сознание как-бы бодрствовало, с любопытством наблюдая за мной со стороны. Никогда мне не было так хорошо и беззаботно. К утру состояние эйфории постепенно ушло, серебристый туман рассеялся, взамен вернулись реалии жизни, а вместе с ними боль и жутковатое ощущение безрадостных перспектив.

Уезжал я прямо из больницы. Морковкин благополучно перенёс операцию, в процессе которой ему, по сути, в качестве эксперимента из лоскутков сшили маленький желудочек, уповая на то, что со временем он растянется до приемлемых размеров, и категорически запретили пить. К моменту моего отъезда суетливый пациент уже

съедал в один присест две столовые ложки пюре и, как он мне признался в глубоком секрете от окружающих, даже рискнул выпить чайную ложку водки. Против ожидания, организм принял дозу без сопротивления, чем подал надежду совсем было потерявшему смысл жизни человеку. При нём теперь постоянно находилась пришедшая в себя после падения жена. Она оказалась раза в полтора больше Морковкина, но слушалась его беспрекословно, как это принято было в окрестных деревнях. Мы пожали друг другу руки, сказали приличествующие случаю слова и расстались навсегда. Павловича к этому времени отправили домой медленно умирать.

На вокзале меня провожали Валя и Капитолина Павловна. Валя, увидев медленно подходящий поезд, даже всплакнула, а Капитолина Павловна продолжала давать напутствия:

— Смотри, — строго глядя мне в глаза, говорила она, — ни в коем случае не соглашайся на стандартную ампутацию, если до этого дойдёт дело. Помни, что сейчас боль это твой союзник: чем дольше ты будешь её терпеть, тем большее число коллатералей разовьётся у тебя в голени. Тогда у тебя появится шанс обойтись ампутацией голени, а это, можешь мне поверить, совсем не то, что ампутация на уровне бедра, как это предусматривает обычная в таких случаях

методика. У тебя, конечно, будут определённые ограничения, но не критические, и ты сумеешь построить свою дальнейшую жизнь. Не скрою, ближайшие месяцы тебе не позавидуешь, но я заметила, что ты хорошо держишь удары, и я верю — выдержишь и этот. Шприц и ампулы с промедолом и анальгином я положила тебе в пакет с лекарствами. Ну, всё, пиши, как там всё у тебя сложится. Дай-ка я тебя поцелую на прощанье.

Суровая женщина ткнула губами мне в щеку, Валя прижалась к другой, я обнял их поочерёдно и, прихрамывая, вошёл в вагон, который должен был унести меня вначале в Пермь, а затем в Москву. Две женские фигуры на пустом перроне долго ещё махали мне вслед, а затем исчезли в дымке медленно падающего снега. Вагон был полупустым, я устроился на нижней полке и принялся баюкать свою ногу. Раздражённая избыточной ходьбой, боль давала себя знать яростно и непреклонно.

Москва встретила привычной суетой и лёгким морозом. На вокзале меня ждала сестра, которая к этому времени получила письмо с просьбой узнать кратчайший путь к институту, где должна была начаться вторая часть моей больничной эпопеи. Она взглянула на меня с тревогой, поскольку я к этому времени потерял уже килограммов шесть своего совсем не избыточного веса. Я заметил её

взгляд и успокоил, сказав, что всё идёт по плану, хотя плана, как такового, конечно же не было, да и быть не могло. Просто имела место негативная совокупность событий. Её начало было положено, скорее всего, очень давно, где-то там, в моём прошлом, а может, кто знает, даже в прошлом моих родителей; событий, последствия которых только теперь, словно стая осмелевших псов, собрались вместе и готовы были рвать меня на части.

Профессор Графов осмотрел ногу, покачал головой, но, припомнив звонки с Урала, всё же принял меня в число своих пациентов. Со мной в палате, которая по странному стечению обстоятельств имеет номер тринадцать, находятся ещё двое: Коля Уфимцев и Саша Хохлов. Оба мои сверстники, оба, как на подбор, симпатичные парни с большими возможностями и с не меньшими проблемами.

Коля — подающий надежды журналист, известная в Москве личность. Несколько лет назад у него вдруг стало резко подниматься давление. Обследование показало, что это следствие аномально увеличенных надпочечников. Операция в этом случае была единственным выходом. С тех пор Коля перенёс три таких хирургических вмешательства и сейчас ожидал четвёртое. После него тонкий шрам будет полностью опоясывать его талию, вернув мужскому телу изначальную

симметрию. Какая участь ожидает талантливого журналиста дальше, не брался прогнозировать никто.

Саша в свои молодые годы руководил военным комплексом по разработке какой-то секретной техники, где под его началом работали тысяч пять человек. С диагнозом облитерирующий эндартериит молодого руководителя положили в одну из клиник столицы Венгрии. Оттуда самолётом он был доставлен сюда, в Москву, о чём искренне сожалел. В отличие от меня, у него в большей степени была поражена правая нога, что уравнивало наши шансы в отношении невесёлых перспектив.

Из нас троих Коля страдал всего лишь от головной боли, которую снимал обычный пенталгин, а вот мы с Хохловым оба находились на начальной стадии гангрены, которая медленно, словно тварь ползучая, развивалась по сухому типу. Я рассказал ему о предостережении Капитолины Павловны, и мы решили бороться до последнего, убирая боль наркотиками только на ночь, когда терпеть её было просто невозможно. Перед сном симпатичные сестрички, напропалую кокетничая, с сожалением готовили нам двадцати кубиковые коктейли, и мы проваливались в наркотический дурман: я — в свой сон, где безуспешно пытался уйти от акульей пасти, а он — в хитросплетения

инженерной и хозяйственной жизни внутри военно-промышленного комплекса. Вот так государственные тайны и становятся достоянием широких кругов общественности.

Учреждение, куда я попал, было особенным хотя бы потому, что его курировал сам министр здравоохранения. По этой причине здесь не было недостатка в аппаратуре и медикаментах. В его стенах хорошие специалисты делали сложные операции на сердце, сосудах, почках и иных деталях человеческого организма. Но здесь же и шагу нельзя было сделать, не испросив предварительно разрешения у венценосного куратора, которому к этому времени уже перевалило далеко за семьдесят. Впрочем, это не мешало ему время от времени, взбодрившись, лично становиться к операционному столу. Позже я узнал, что для оперируемого это был далеко не самый лучший вариант, но отворотить судьбу в этом случае было просто невозможно.

Присмотревшись к окружающей нас действительности, мы вначале были крайне удивлены одним странным обстоятельством. Почему-то пережившие сложные операции люди, которые буквально на следующий после реанимации день приходили в курилку сделать пару запретных затяжек, вдруг умирали просто на ходу, ну, а те, кому повезло больше, всего лишь

приобретали огромные незаживающие язвы. Вскоре оказалось, что в отделении сама по себе гуляет синегнойная палочка, о чём министр узнал совершенно случайно. При своём возрасте и благообразной внешности он обладал очень крутым характером. В результате многие из администрации лишились своих мест, а операции были приостановлены до полной санации помещений. Те же, кому к этому времени не повезло, никогда об этом так и не узнали.

Процедуры мне были назначены буквально на следующий день. Прежде всего, мне сделали так называемую ангиографию, то есть вприсунули в бедренную артерию лошадиную дозу контрастного вещества на основе йода. Этой манипуляцией были достигнуты три сомнительных по качеству результата. Во-первых, была удовлетворена естественная любознательность молодых врачей, пишущих диссертации. Во-вторых, установлено местонахождение точки облитерации в артерии, что и без того было ясно. И, наконец, в-третьих, было полностью перечёркнуто всё то положительное, что с таким трудом удалось достичь в Березниках, поскольку, как я узнал позже из умных книг, это вещество, обжигая стенки сосудов, само по себе вызывало их дополнительный спазм.

Скажу откровенно, такое начало не добавило мне энтузиазма. Последовавшие за этим с

интервалом в пятнадцать дней две операции запомнились, прежде всего, своей продолжительностью. Весёлые сестрички привозили меня в операционную рано утром, когда бледный рассвет едва обозначался над столицей нашей Родины, а возрождался я к жизни только под вечер, в то время как холодные январские сумерки уже сгущались за окнами клиники. Из моих собственных вен врачи пытались соорудить шунт — окольный кровоток в месте стеноза артерии. Эти попытки так и не увенчались успехом. Все пальцы на моей ноге постепенно потеряли подвижность и мумифицировались. Передвигаться теперь я мог только с помощью трости. Всё это сопровождалось какой-то просто невероятной, фантастически изощрённой болью, главным отличием которой от обычных сильных болевых ощущений было то, что от неё нельзя было избавиться даже на долю секунды, ни изменив положение ноги, ни прикоснувшись к ней, ни каким-либо иным образом.

Единственным спасением была инъекция коктейля из наркотика, анальгетика и снотворного на ночь, перед сном. Двадцати кубиковый шприц в ласковых руках сестрички я ждал с нетерпением большим, чем ждут истинно верующие христиане нисхождения животворного огня на Пасху в Иерусалиме. А под утро я в очередной раз

безуспешно пытался уйти от зубастой акульей пасти.

...Саша Хохлов сломался неделю назад. Его кололи уже трижды на день, приводя постепенно в состояние овоща, причём, довольно опасного овоща. Он мог вскочить ночью, разбудить всех, требуя сосчитать количество мешков каучука на складе, днём плёл какую-то бессвязную чушь, его жена — маленькая хрупкая Вика — тихо плакала, глядя на эти убийственные метаморфозы.

Приехал его шеф, молча посмотрел на Сашу, который с остекленевшим взглядом сидел, покачиваясь на кровати, и пошёл к Графову. Не известно, о чём они говорили, но через несколько дней после этого Хохлова прооперировали. Ампутация была произведена на уровне верхней трети голени, что противоречило существующей инструкции. После операции Саша спал дольше суток, а придя в себя, сказал мне, что родился заново, чего и мне желает, но не уверен, что такая жизнь ему нужна. После этого он замкнулся и почти не разговаривал ни с врачами, ни с коллегами, которые каждый день навещали его, ни с женой, которая уходила домой с глазами полными слёз.

...В начале февраля выписался Коля Уфимцев. Ему сделали очередную операцию. Она прошла успешно, его давление упало до нормы со

всеми вытекающими отсюда положительными последствиями. В день выписки за ним приехали две весёлые девушки, быстро собрали его вещи, накрыли импровизированный столик и разлили по стаканам коньяк. Мы выпили за здоровье присутствующих, затем отдельно за моё, поскольку мне оно точно могло понадобиться в неограниченном количестве, ну, а потом уже, как водится за здоровье прекрасных дам. Дамы не возражали и вскоре увели весёлого Колю туда, где бурлила жизнь и было счастье. Я не стал больше пить и побрёл перекурить, а когда вернулся, увидел, что Саша допил едва начатую бутылку коньяка и спит мертвецким сном. Нехорошее предчувствие шевельнулось где-то на задворках моего сознания и исчезло, растворившись в непрекращающейся боли.

В середине февраля приехала жена, с которой мы не виделись долгих четыре месяца. Свеженькая с мороза, красивая и удивительно молодая. Увидев меня, она не смогла скрыть смеси того сложного чувства, которое вызвал у неё мой внешний вид. Преобладающими компонентами были страх и жалость. Я за это время незаметно привык к тому отражению, что по утрам посылало мне равнодушное зеркало во время обязательной утренней процедуры. А вот для человека, знавшего меня ранее, это, похоже, был в определённой степени шок. Мы поговорили о делах моих

скорбных, и она, вздохнув, пошла к заведующему отделением.

Их беседа длилась чуть больше получаса. Вернувшись, она не стала скрывать очевидной правды: текущие дела мои были плохи так же, как и перспективы. Профессор сказал, что оперативное вмешательство, к сожалению, не дало ожидаемого эффекта, и если терапия за очередные две-три недели не поможет, то остаётся только ампутация, уровень сложности которой ещё предстоит определить. Впоследствии, независимо от результатов лечения, он рекомендовал жёсткую диету без спиртного, сигарет и кофе, отказ от активного образа жизни посредством смены моей нынешней профессиональной деятельности на какую-нибудь более спокойную работу, вроде часовщика или сапожника. При таком раскладе, по его словам, я мог бы рассчитывать на слабую возможность прожить на этом свете лет до пятидесяти. Старый пенёк запретил бы ещё в сторону женщин смотреть и букет был бы полным: оставалось только повеситься.

Мы провели с женой всего несколько дней, после чего она должна была возвращаться домой, к своим студентам. Вместе с сестрой они зашли ко мне с утра, когда у меня был перерыв между процедурами, в которых, если признаться честно, я уже не усматривал особого смысла. Через окно

палаты я видел, как они поймали такси и уехали в сторону вокзала.

Через две недели после этого выписали Сашу Хохлова. За ним приехала целая делегация во главе с Викой. Как водится, все выпили за то, чтобы никто и никогда из присутствующих не попадал в эти стены, затем ещё два стандартных раза, после чего мы обнялись на прощанье, пообещав непременно увидеться в будущем, и весёлая процессия покинула сразу как-то опустевшую палату под номером тринадцать. Высокий Хохлов с непроницаемым лицом шёл посередине, тяжело опираясь на новенькие костыли. У выхода Вика обернулась и с улыбкой послала мне на прощанье воздушный поцелуй. Я помахал ей и вернулся в помещение, зверея от нарастающей боли. На мой звонок пришла сестричка и, увидев выражение моего лица, молча принесла первую внеплановую инъекцию. Постепенно боль ушла, я плюнул на обязательные процедуры и уснул.

Моё одиночество длилось недолго. Вскоре у меня появился сосед, высокий нескладный мужчина лет пятидесяти с остатками волос на голове и чуточку безумным взглядом. Апполинарий Елизарович Свенцицкий, презрев местных врачей, прибыл непосредственно из города Армавира, бережно держа в руках трёхлитровую банку с суточной мочой. Она должна была подтвердить его

диагноз, который он сам же себе и поставил. Я не помню точно, что это была за болезнь, но что-то нехорошее, связанное с почками.

Он был ветеринар по специальности и, освоившись, рассказывал странные по меркам того времени вещи. Например, если верить его рассказу, где-то в районе Урала на секретном полигоне взорвалось хранилище радиоактивных отходов. В прессе об этом не было ни слова. Его подняли ночью и сказали, что из воинского резерва он переводится в состав действующей армии и отправляется выполнять секретное задание государственной важности. Самолётом он той же ночью вместе с группой таких же демобилизованных лиц с медицинским образованием вылетел через Москву на восток и к утру уже находился в зоне отчуждения.

Там он пробыл с перерывами пять лет, наблюдая за тем, какое влияние оказывает радиация на живые организмы. По его словам, в первые годы наблюдений им действительно довольно часто попадались изуродованные в результате генетического сбоя лягушки, мыши, птицы и животные покрупнее. Но эти экземпляры были нежизнеспособны. Они быстро вымирали, не оставляя после себя потомства, и после пяти лет отдыха биосфера в целом мало отличалась от той, какой она была до катаклизма. Генетическая основа

живых организмов оказалась удивительно устойчивой даже к таким сильным воздействиям, как жёсткое излучение во время ядерного взрыва. Это радовало, и я перестал думать о том, где могли остановиться в моём организме те радиоактивные изотопы, которые только с им понятной целью запускали в мои исколотые вены неугомонные врачи. Господи, как же они меня достали...

Как-то ночью, когда уже было далеко за полночь, я проснулся. Удивительно, но боль как-бы продолжала спать. В горле пересохло, хотелось пить и курить. Я встал, жадно прильнул к бутылке тёплого сидра, затем выудил из тумбочки сильно исхудавшую пачку сигарет, взял трость и побрёл в курилку. Впрочем, курилки, как таковой, не было, была с непонятной целью отгороженная от окна часть коридора в тупике. Там стояла довольно удобная кушетка, да ещё старое продавленное кресло, в котором невозможно было сидеть, и жестяная банка на полу для окурков. Всё это узкое помещение было густо пропитано запахом табака. Я не успел докурить сигарету до половины, как вдруг услышал лёгкие шаги. В прозрачный сумрак задымленного тупичка вошла, кутаясь в халат, девушка.

— Привет, — сказала она хриловато, — что, тоже не спится?

— Привет, — ответил я, — как видишь, не

спится.

Я узнал её. Катя, так звали девушку, появилась в отделении не так давно. Среднего роста стройная брюнетка, с короткой стрижкой и огромными серыми глазами, она выделялась среди больничного народа, как выделяется газель в стаде менее изящных живых существ. Я давно заметил, что чем пропорциональнее сложена женщина, тем более грациозно и естественно она движется. В этом смысле Катя была совершенством. Как-то мы вместе ожидали одну общую процедуру, перебросились парой полупустых фраз, познакомились и разошлись по своим делам так просто, как это бывает только в больнице.

— У тебя найдётся сигарета?

— Держи, — протянул я ей пачку, — ты же, как бы, не куришь?

— Не курила, — ответила она, прикуривая, — год назад бросила, а вот проснулась сейчас и чувствую, что не могу, умру, если не закурю. Хорошо, что ты здесь, а то пришлось бы опуститься до окурка. Я присяду, если ты не против.

— Да, ради Бога, Катя, садись, сделай одолжение.

Она присела, усмехнулась:

— Сделаю, я заметила, ты сложно говоришь.

— Сложно? Не замечал за собой такого недостатка, хотя, на то они и недостатки, чтобы их

не замечать. Может, ты и права.

— Да ты не обижайся, это не недостаток, это просто особенность твоей речи, кстати, не такая уж и плохая, если ею не злоупотреблять.

— Спасибо, я буду следить за собой. Что же тебе не спится, Катюша, в такую ненастную ночь?

В Москве неожиданно наступила оттепель. В окно монотонно стучал дождь, слезами стекая по стеклу. Погода, прямо сказать, располагала скорее ко сну, чем к сидению в курилке.

— Не спится, меня уже сегодня будут оперировать, и, ты знаешь, я проснулась от какого-то дурного предчувствия. Чуть сердце не выскочило, села на кровати и чувствую, что ещё немного и заплачу, курить захотелось до смерти. Думаю, схожу ка я посмотрю, может, есть кто с сигаретами. Слава Богу, ты здесь оказался.

— Да уж... А кто оперировать будет, ты знаешь?

— Сам министр вызвался. Как думаешь, это хорошо?

Я медленно выпустил струю дыма, взглянул на девушку. Огромные серые глаза, блестящие в слабых отблесках далёкого фонаря, застыли в ожидании ответа. Я молчал. Она слабо тронула меня рукой:

— Что ты молчишь? Скажи, ты ведь давно здесь: это хорошо, что меня будет оперировать сам

министр?

— Катя, — медленно ответил я ей, — откажись от операции, пожалуйста, что плохо себя чувствуешь. Хочешь, я дам тебе таблетки, снижающие давление, они сами отменяют операцию, если ты сошлѣшься на самочувствие.

Она замерла, затем, волнуясь, жадно затянулась сигаретой:

— Почему ты так говоришь? Ты что-то знаешь?

— Катя, я просто знаю, что у него плохая статистика, вот и всё. Мой тебе совет: откажись от операции.

— Как? Как может быть плохая статистика у такого опытного человека? Что ты говоришь, и потом я уже дала согласие и не могу отказаться.

— Глупая, ты же не в любви ему отказываешь, это вопрос жизни, твоей, между прочим, жизни. Одним словом, ты спросила — я ответил. Думай, никто за тебя не примет такое решение.

Она бросила окурок в жестянку, подтянула ноги к подбородку и замерла, обхватив их руками. Мы молча смотрели сквозь залитое дождѐм окно на ночь за стеклом. Настроение было грустное, под стать погоде. Вдруг Катя встала с кушетки и подошла вплотную ко мне:

— Пожалуйста, обними меня, мне страшно.

Я, не думая, посадил её на колени и обнял.

Девушка замерла у меня на плече, и я понял, что она тихо плачет. Худенькое тело содрогалось в беззвучных рыданиях. Мне было глубоко жаль её, стоящую перед извечным непростым выбором: быть или не быть. Хватит ли ей характера, с учётом уже данного согласия, принять верное решение? Хорошо, если бы хватило...

Я прислонился к стене, так было удобнее держать Катю, и вдохнул слабый запах её горьковатых духов, смешанный с непередаваемыми флюидами молодой женщины. Удивительно, но даже боль моя как-то незаметно отошла на второй план, не в силах устоять перед натиском основного инстинкта. Я осторожно поцеловал её шею, волосы, моя рука ласково прошлась по спине, и остановилась на бедре замершей девушки. Под ладонью была тёплая гладкая кожа. «Не нужно, я второй день не была толком в душе, нет горячей воды» — прошептала она, — «ты целуй меня, пожалуйста». У меня на губах остался солёный вкус её слёз на щеках, от горячих губ на шее перехватило дыхание. Мы молча сидели в прокуренном помещении, лаская друг друга, и не замечали, как летит неумолимое время.

В коридоре раздались шаги и в курилку зашла Зиночка, симпатичная сестричка, которая дежурила этой ночью в отделении.

— Так вот вы где, ребятки, — весело

проговорила она, — а я-то думаю, где это наша девушка. Оторвись Катюша от парня, пора делать промедикацию, зайдёшь в сестринскую, я буду ждать. Ты же не забыла, что у тебя сегодня в восемь операция?

— Да, нет, я помню, Зиночка, я скоро подойду к тебе.

Зиночка ушла, а мы продолжали сидеть. Наконец Катя крепко обняла меня, прижавшись на секунду всем телом, и встала:

— Спасибо, что не оставил меня одну этой ночью.

— Что ты, тебе спасибо.

— Мне-то за что?

— За впечатление, ты ещё маленькая и пока этого не поймёшь.

Она улыбнулась:

— Хорошо, я непременно вырасту и постараюсь всё понять. Пока, я пошла готовиться.

— Катя, я ещё раз тебе говорю: подумай хорошо и откажись сегодня от операции.

Она кивнула:

— Хорошо, я подумаю, пока.

Неуловимое, чисто женское движение грациозного тела, и она ушла. Я устроился на кушетке удобнее и закурил. Спать не хотелось, медленно возвращалась уснувшая было под натиском гормонов боль.

К восьми часам меня забрали на процедуры: барокамера, физиотерапия, акупунктура, как здесь называли иглоукалывание. Иголки мне ставила молодая женщина лет тридцати пяти, кандидат медицинских наук. Она оставалась при мне часа полтора, меняя время от времени иглы и места их введения. Основные знания по этой части она получила на стажировке в Монголии, где пробыла три года. Она могла до бесконечности рассказывать о возможностях этой древней восточной науки. По её словам для того, чтобы полностью овладеть всеми премудростями иглоукалывания, нужно было учиться девять лет. Она постигла лишь самые азы её, но при этом считалась одним из наиболее квалифицированных специалистов в Москве.

Возвращаясь к себе в палату я уже после двенадцати. Процедуры разбередили боль с такой силой, что, казалось, ещё немного, и я потеряю сознание. Нажав на кнопку звонка, я вызвал Зиночку. Она по обыкновению зашла в палату буквально через минуту.

— Зиночка, — попросил я её, — сделай, пожалуйста, что-нибудь без наркотиков.

Она безучастно кивнула головой, и тут я заметил её припухшие глаза.

— Что-то случилось, Зина?

Она снова кивнула.

— Катя? — не веря, спросил я, — что с ней?

— Да, Катя... Она не вышла из наркоза, бедная девочка, — прошептала она, вытирая слёзы.

«Вот и не верь после этого в предчувствия», — подумалось мне, — «Катя, Катя, ведь говорил же ей: откажись от операции». Не хватило духу у девочки сказать «нет» заслуженному человеку, вот тебе и результат.

— А что министр?

— Закрылся в кабинете и никого не пускает.

— Толку-то от этого самобичевания...
Зиночка, ты добавь, наверное, в коктейль что-нибудь покрепче. Я должен уснуть.

— Хорошо, как скажешь, я сейчас.

Наркотический дурман быстро убил сознание и от проблем этого мира перебросил в сумрачный мир теней.

К середине марта, когда весенняя капель за окном и яркое солнце стали преобладающими компонентами в природе, меня вызвал к себе Графов. Он не стал начинать разговор издали, поскольку деликатность не была основной чертой его характера, как, впрочем, и большинства врачей хирургического профиля, которые когда либо встречались на моём пути. Может это и правильно: не до философствования, когда жизнь зависит от того, резать тебя, или не резать. Профессор прямо сказал, что на этом этапе только ампутация может решить мою проблему. На вопрос, каким видится

возможный уровень хирургического вмешательства, он, помедлив, ответил, что ампутация должна быть произведена по максимуму.

Я тоже не стал тянуть с ответом и сказал «нет». Тон, которым это было произнесено, заставил его более пристально взглянуть на меня. Он начал долго и нудно объяснять, чем мне может грозить отказ, но меня подробности уже не интересовали. Я понял, что в Москве мне делать больше нечего. Через день, попрощавшись с сестричками, которые собрали мне всё, что смогли в смысле обезболивания, я покинул отделение.

Последующий месяц мне помнится словно в тумане. Я вначале попал домой, где пробыл что-то около двух недель, находясь на пределе между уровнем боли и уровнем человеческих возможностей. Деваться было некуда, и я придумал, наконец, способ не избавиться, но спрятаться от боли. Для этого нужно было всего лишь представить себя полностью здоровым человеком, находящимся как бы в стороне и смотрящим на себя же, сидящего на кровати со своей болью. При этом сознание, способное воспринимать боль, полностью переходило к тому виртуальному двойнику, а собственно боль оставалась в оболочке лишённого сознания человека. Удерживать такую ситуацию было непросто физически, на это уходили силы, которых становилось всё меньше.

Но стоило только потерять контроль над собой, как боль тут же старалась превратить тебя в сходящее с ума животное, в аморфное существо, истекающее слезами и соплями.

Через две-три недели я переехал к родителям жены в небольшой городок под Львовом, пока решался вопрос моей госпитализации в госпитале Прикарпатского военного округа. По слухам, там был хороший специалист моего профиля. Время, проведенное у родственников, слилось в один непрерывный поток сменяющих друг друга минут, часов, суток. Хорошо запомнилась только медицинская сестра, приходившая делать мне инъекции. Готовя очередной шприц, она в деталях, смакуя подробности, рассказывала, как именно после этого укола умирал в судорогах очередной её клиент. Мне очень хотелось послать её куда подальше, но мешали остатки воспитания. Впрочем, не бывает худа без добра, и я научился сам делать себе инъекции. Это оказалось совсем несложно и гораздо спокойнее.

Полковник Караповский, заведующий отделением нейрохирургии в госпитале, куда я наконец-то попал, внешне напоминал увеличенного как минимум вдвое Айболита из детских книжек. Облитерирующие заболевания являлись предметом его научных увлечений, по сути, хобби. Потом уже я не мог припомнить случая, чтобы он повышал

голос. В его присутствии успокаивались даже безнадежно нервные больные.

Увидев меня, он спокойно поинтересовался, с какой целью к нему привезли человека, который больше подпадает под предмет интересов патологоанатома. Услышав это, я напряг остатки силы воли и внятно объяснил, что оболочка, которую он видит, не более, чем фантом, совершенно не отражающий богатого внутреннего содержания его будущего пациента. Михаил Иванович, так звали полковника медицинской службы, мягко улыбнулся и распорядился, чтобы меня определили в палату. Так начался заключительный этап моей больничной эпопеи.

Михаил Иванович, у которого был свой взгляд на природу такого рода заболеваний, начал с того, что в течение двух недель методично приводил меня во вменяемое состояние. Для этого он, прежде всего, стабилизировал тот губительный процесс, что развивался в моей ноге. По сути, это была такая же процедура, что в самом начале делала мне Капитолина Павловна. В бедренную артерию он вводил особый коктейль собственного состава. В Березниках такое введение осуществлялось с помощью толстенной иглы с мандреном, конструкция которой, как мне показалось, пришла в медицину непосредственно из застенков святой инквизиции. Это ограничивало число инъекций.

Здесь же это был обычный двадцати кубиковый шприц с тонкой длинной иглой, с помощью которой эту процедуру можно было делать многократно. Ко мне вскоре вернулся аппетит, я прибавил в весе и, естественно, стал лучше выглядеть. Михаил Иванович, убедившись, что перед ним всё ещё живой человек, в два приёма произвёл щадящую ампутацию, сохранив мне коленный сустав и вместе с ним перспективу чего-то добиться в этом мире.

Вернувшись в палату, я первые дни спал, просыпался для того, чтобы поесть, и снова спал. Не было больше изматывающей боли, не было связанной с ней бессонницы, не было отупляющих сознание наркотиков. Всё это в совокупности можно было считать счастьем, если бы не новые проблемы. Но они как-бы ещё не наступили в полном объёме. Об этом просто не думалось. Одно было жаль: в своём сне я так и не доплыл до вожаделенного берега.

Однажды я проснулся и понял, что наконец-то выспался. Было чуть за полночь. Моя кровать стояла в углу около распахнутого окна, за которым подходил к концу май — лучший месяц в этих местах. Я оперся локтями на подоконник и выглянул на улицу. С высоты третьего этажа была видна слабо освещённая фонарями старинная улочка, пахло акацией и чем-то неуловимо летним.

Сзади раздался лёгкий шум и рядом со мной образовался Миша, мой сосед по палате, кровать которого стояла рядом.

Миша, казах по национальности, был родом из Алматы, имя имел соответствующей сложности, которое солдаты быстро трансформировали в русский его аналог, что его вполне устроило. В госпиталь он попал из расположенной неподалёку воинской части в связи с какими-то незначительными проблемами со здоровьем. Но поскольку Миша умел делать своими руками много полезных вещей, то Михаил Иванович оставил его в отделении, где постоянно возникали какие-то хозяйственные проблемы. У себя дома Миша, судя по его повадкам, был крутым парнем, да и задатки у него явно были лидерские. Я видел, какой холодный огонь в случае необходимости мог полыхнуть в его черных раскосых глазах. В своей солдатской среде совершенно незаметно для окружающих он приобрёл жёсткий и незыблемый авторитет.

Ко мне он как-то сразу проникся расположением и всячески оберегал от непрошеного вмешательства со стороны собратьев по несчастью, нашедших временный приют в нашей большой восьмиместной палате.

— Ты как? — спросил он, — похоже, выпался?

— Да, — коротко ответил я, — кажется, я выспался. Слушай, Миша, а ведь за окном-то практически лето.

— Да, там хорошо. Слушай, выпить хочешь? Есть полбутылки водки.

Я бросил взгляд на свою тумбочку. Там, накрытый салфеткой, стоял мой нетронутый ужин и тонкий стакан с прозрачной жидкостью. Днём к обеду лежачим больным давали касторку, но я знал, что в моём стакане, в отличие от прочих, был неразличимый с виду шестидесяти процентный медицинский спирт, который мне приносила Галина Ивановна — строгая старшая сестра нашего отделения. У нас с ней были свои неуставные отношения.

— А давай-ка, брат Миша, действительно выпьем, я тоже, кстати, не пустой. Что-то действительно душа просит праздника.

Миша быстро нарезал остатки колбасы, мы соорудили на подоконнике импровизированный стол и взяли в руки стаканы.

— Давай, чтоб все мы были здоровы.

Мы чокнулись и выпили в один приём, чтобы не мучиться. Спирт пошёл хорошо, огнём разлился по венам, лёгким дурманом ударил в голову. Мы закусили остатками моего ужина и колбасой, убрали пустые тарелки.

— Покурим? — спросил Миша.

Возражений не последовало. Он достал из тумбочки пачку «Беломорканала». Мы уселись на подоконнике и закурили. Табачный дым был каким-то необыкновенно лёгким. Тишину за окном подчёркивало ненавязчивая трель одинокого сверчка. Говорить не хотелось. Вдруг где-то вне поля нашего зрения раздалось негромкое пение. Из-за поворота, обняв друг друга за плечи, медленно вышли трое мужчин. Они пели грузинскую песню, пели в три голоса, так, как поют на их далёкой родине. Очарование ночи, летнего тепла и мужского пения были непередаваемы. От всего этого сладко кружилась голова.

— Миша, не пойму от чего, но похоже я поплыл, — произнёс я в целом ничего не значащую фразу, но мне она показалась смешной, и я поймал себя на том, что с трудом удерживаюсь от какой-то глупой смешинки.

— Брат, я рад, что тебе понравилось, — глубокомысленно ответил тот, — это мне из дома подогнали свежий планчик. Я и забил нам пару папирос на пробу. Ты вдыхай глубже, сильнее зацепит.

Я всё понял. Миша часто рассказывал о зарослях конопли у себя на родине и о чудодейственных качествах этого растения. Мне никогда не приходилось пробовать это зелье, видимо, поэтому я так быстро и попал под его

наркотическое влияние.

— Предупреждать надо, Миша, что-то у меня голова идёт кругом. Пожалуй, я лягу, извини, брат.

Я упал на кровать, ощущая необыкновенную лёгкость в ставшем вдруг невесомым теле. В сознании медленно проплывали картины моей недавней жизни, угасали звуки и запахи, а затем я крепко уснул. Это уже не был искусственный сон, вызванный наркотическим коктейлем, это был сон здорового человека, у которого большая часть проблем осталась позади.

Я не знал ещё, что непростой процесс моей реабилитации займёт долгие три года, что я вернусь к своей работе и практически полностью адаптируюсь к изменившимся жизненным условиям. И, конечно же, я даже предположить не мог тогда о том, что пройдёт очень много времени, того самого времени, которое якобы всё лечит, но на самом доньшке души навсегда сохранится ощущение некоторой невидимой грани, разделившей мою жизнь на две неравные и неравноценные части: до Эпизода, и после него.

Я с нетерпением жду от Вас весточки, дорогая Матильда, во-первых, о том, что Вы думаете по поводу рассказанного выше, и, во-вторых, мне крайне интересно знать, чем Вы заняты сейчас и где собираетесь провести летние месяцы.

Днепропетровск, 24 декабря 2011 года
Искренне Ваш А. Н.

5. Немного о любви (Письмо пятое к несравненной Матильде)

Дорогая Матильда! Вы даже не догадываетесь, какие эмоции продолжают переполнять меня по мере того, как в результате нашей переписки я открываю для себя все новые грани Вашей души и Вашего ума. Они сродни тому наслаждению, которое получает умудренный опытом исследователь, шаг за шагом идущий к раскрытию самой сокровенной загадки мироздания. Мне трудно представить, каким должно быть состояние человека, дошедшего до конца такого научного поиска и вдруг осознавшего, что Тайны больше нет. Наверное, для него исчезнет сам смысл существования в этом мире.

В известной степени опираясь на сказанное выше, а также учитывая расстояние, разделяющее нас, и весеннее великолепие курорта за окном, я хотел бы сегодня поговорить с Вами, дорогая моя Матильда, о наиболее сильном чувстве, которое дано испытать человеку на его жизненном пути.

Столь сильным, и в тоже время столь интимном, что его изучение требует специальной подготовки, которой я, к сожалению, не обладаю. Это чувство называется, как Вы понимаете, любовь, и я заранее прошу прощения за мой дилетантский подход к этой вечной, и в то же время всегда новой теме нашего разговора.

А. П. Керн

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

А.С. Пушкин

Не шути с женщиной, ибо шутки эти глупы и неприличны.

Козьма Прутков

Итак, кто же мне скажет, что такое — любовь? Нет, не к маме или родине, разумеется, здесь все ясно, а в зависимости от возраста к той девочке — девушке, женщине — которая

изначально, вообще говоря, ничего плохого по отношению к тебе не сделала. Ты даже можешь быть не знаком с ней до какого-то знакового момента, вспышки в сознании, после чего она внезапно становится осью, вокруг которой вращается ставший вдруг второстепенным окружающий мир, а сам ты, того ещё не подозревая, становишься объектом и рабом одного из наиболее ярких и сильных человеческих чувств. Так, что же это такое — любовь к женщине? С моей — мужской — разумеется, точки зрения.

Я серьезно задумался над этой проблемой и, как человек, профессионально занимающийся научным анализом, поднял соответствующие источники информации. В результате проделанной работы, а она, поверьте на слово, была достаточно объемной, стало ясно, во-первых, что эта тема стала актуальной сразу же после изгнания Адама и Евы из Эдемского сада и, во-вторых, что за истекшее после этого события время люди основательно потрудились над изучением анатомии любви, возвели её в ранг религии и даже философии, сделали основной в искусстве, литературе и, как ни странно — и это настораживает — в психоанализе, где особенно преуспели Фрейд и его последователи. При этом отношение мужского населения планеты к феномену любви в зависимости от эпохи менялось и в своём

становлении прошло, как мне показалось, три этапа.

К первому этапу следует отнести возвышенно-восторженные обобщения, принадлежащие авторам, жившим преимущественно в России в восемнадцатом и девятнадцатом веках. Вот, вкупе с вышерасположенным эпиграфом, типичное из них, принадлежащее перу Ивана Тургенева: «Любовь сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь». Обычно такие фразы произносились срывающимся голосом, с трудом сдерживая слезы.

В конце девятнадцатого и к середине двадцатого веков был накоплен богатый опыт как в области собственно любви, так и в отношении ее основного объекта с точки зрения мужчин ортодоксальной ориентации, то есть женщин. Опыт оказался, как бы это мягче выразиться, своеобразным. Его достаточно полно характеризует высказывание О. Генри, сделанное им в рассказе «Адское пламя»: «Любовь следует обсуждать на приеме у психиатра или в беседе с цветочницей». Содержание и тон вышеупомянутой фразы следует списать, с одной стороны, на легкость характера написавшего ее человека, хотя с другой, как ни крути, на его богатый жизненный опыт. Подобного рода сентенции легли в основу второго этапа обобщений.

Остаток двадцатого, а теперь уже и начало двадцать первого столетий существенно изменили отношения основных игроков на поле любви — мужчин и женщин. Высокие технологии сделали общество развитых стран не только существенно богаче, а людей более независимыми, но и породили такие явления, как феминизм, гомосексуализм, виртуальная жизнь во Всемирной Паутине, включая все возможные ее аспекты, в том числе и интимные. Теперь уже любовь не ограничивала себя отношениями между мужчиной и женщиной. Любить стало возможным не только кого угодно, но и что угодно, хоть писающего мальчика в Брюсселе или даже платяную щетку. Это стало называться свободой личности в демократическом обществе.

Тогда же появились и совершенно иные соображения в отношении предмета наших исследований. Следуя логике рассуждений, они составили суть третьего этапа обобщений.

Вот, что пишет по этому поводу представитель нации, достаточно искушенной в делах любви, автор нашумевшего романа «Элементарные частицы» француз Мишель Уэльбек: «Сексуальное наслаждение... основывается в решающей степени на осязательных ощущениях, в особенности на систематическом возбуждении особых эпидермических зон,

устланных корпускулами Краузе, каковые связаны с нейронами, способными вызвать в гипоталамусе мощный выброс эндорфинов. На эту простую систему в коре головного мозга современного человека благодаря смене окультуренных поколений наложилась обогащенная ментальная структура, побуждающая к «фантазмам» и, что особенно характерно для женщин, к «любви».

Вот так-то, господа, не больше, и не меньше. За этой фразой вообще не видна женщина, как объект обожания и неземной страсти: чистая биохимия на фоне ментальной структуры. Положение вещей еще более усугубили ученые, доказавшие со свойственными им тактом и непосредственностью, что среднестатистическая продолжительность периода влюбленности составляет, примерно, три года и определяется всего лишь наличием в крови человека особого гормона — окситоцина, отвечающего за привязанность к объекту любви. Его количество в организме влюбленных со временем неуклонно снижается от некоторого максимума до нуля, после чего высокое чувство «любовь» сменяется такими прозаичными определениями, как «привычка» и «обязанность».

«Как страшно жить», приходит в этом месте в голову знаменитая фраза популярной российской актрисы.

Казалось бы, полученная информация должна была привести меня в состояние информационного шока, но этого не произошло. Говоря откровенно, я и сам начал приходить может и не к столь глобальным выводам, но к чему-то очень похожему: жизнь, так сказать, не прошла даром. Но выполненный анализ все же заставил меня задуматься о многом, и, в частности, вспомнить те далёкие годы, как начиналась моя собственная первая любовь и оставила ли она сколь-нибудь заметный след в моей последующей жизни? Ну, что можно ответить на это: конечно же, оставила. Несмотря на все сложности и разочарования, которые неизбежно каждому из нас преподносит реальная жизнь, я всегда с нежностью вспоминаю ту девочку, которая впервые заставила меня испытать до той поры неизвестное чувство — любовь.

Хотя, много лет спустя, набравшись жизненного опыта, я, как и большинство мужчин, приду к убеждению, что нашу планету заселяют, прибывшие сюда в незапамятные времена из далеких миров два разных вида человеческих существ, отличающихся внутренне и, слава Богу, внешне. Настолько разных, что мы вряд ли когда-то до конца поймем друг друга. И только ни с чем несравнимые ощущения от процесса продления жизни ненадолго объединяют нас. Да и то, как

выяснилось, причина такого единения кроется в каких-то ферромонах и эндорфинах, помноженных на ментальную структуру в присутствии злополучного окситоцина, так некстати открытого учеными.

Ну вот, казалось бы, я и нашел ответ на поставленный вначале повествования вопрос: что есть любовь к женщине? Такова реальность, основанная на констатации сухих научных фактов и жизненного опыта.

И все-же, соглашаясь с этим, я вынужден признаться, что независимо от произвола биохимических процессов, бушующих в организме человека, где-то там, в потаенном уголке моего сознания, таится глубокая уверенность в том, что мир без наших инопланетянок утратил бы свою прелесть, а жизнь — изначальный смысл.

Боюсь, дорогая Матильда, мне нечего больше сказать по столь деликатному поводу. За сим, как говаривали в старину, остаюсь, преданный Вам

А.Н.

Днепропетровск, 22 мая 20011 года

6. Летнее утро на кольцевой дороге

(Письмо шестое к несравненной Матильде)

Дорогая Матильда! Вот и наступило долгожданное лето. Весна в этом году выдалась затяжная, и, по сути, напоминала вяло текущую зиму. Затем как-то без перехода вдруг нагрянуло тепло, всё вокруг ожило, зазеленело, незаметно отцвело и пришёл июнь. Мне удалось выкроить пару недель в своём расписании и уехать в Трускавец, где вот уже много лет я останавливаюсь в одном и том же санатории, который называется «Арника». Это небольшой санаторий, где есть всё необходимое для отдыха и оздоровления. Его персонал приветлив, кухня великолепна, а Василь Мыколайович, дай Бог ему здоровья, виртуозно делает массаж моему телу, изрядно уставшему от однообразного сидения за письменным столом.

В этот раз моим соседом по столу оказался молодой бизнесмен из Донецка. Он чрезвычайно активен, является неизменным участником всех экскурсий, а по утрам ежедневно, независимо от погоды, совершает моцион на велосипеде вокруг города. Ко всему он ещё оказался и прекрасным рассказчиком, и ниже я привожу его описание последнего утреннего велопробега.

P.S. Литературная обработка, как Вы догадываетесь, моя.

В алгебре существует понятие Кольца, каждый идеал которого является главным.

Из смутных воспоминаний

Я просыпаюсь внезапно от звонка будильника. Лежащий на столе телефон кипит и вибрирует от негодования. Рука вяло касается кнопки и он замолкает. В комнате становится пронзительно тихо, и лишь робкое щебетание одинокой пичуги за распахнутым настежь окном нарушает покой окружающего мира, всё ещё находящегося на грани между сном и явью. Часы показывают пять, но на улице светло, день начался еще час назад, что, впрочем, совсем не удивительно для этих мест в начале июля. Я быстро вскакиваю с кровати и бегу в душ. Струи горячей воды смывают остатки сна и вливают энергию в каждую клеточку моего расслабленного ночным отдыхом организма.

Растёршись пушистым полотенцем, я неспешно надеваю шорты, майку, кроссовки и выхожу из комнаты. В корпусе слышны приглушенные звуки: бормотание воды в трубах, шелест шагов, покашливание. Мой велосипед стоит во внутреннем дворе. Хорошая машина чешского производства с большим числом передач. Он взят напрокат в местной фирмочке с оплатой полной стоимости в качестве залога. Я сажусь в

поскрипывающее кожей холодное седло, выезжаю за территорию санатория и легко скатываюсь вниз по узкой дорожке.

Улочки города пустынно, лишь кое-где видны одинокие фигуры дворников да любителей ранних пробежек. Миновав местный рынок, робко притаившийся в низине под строгим взором смотрящего с высоты железнодорожного вокзала, я круто сворачиваю влево и выезжаю на окружную дорогу. Свежий воздух приятно холодит лицо, руки, ноги. Асфальт с мягким шелестом ложится под шины велосипеда. Я перехожу на более высокую передачу и прибавляю скорость. Мой маршрут, отработанный за десять дней ежедневных поездок, лежит мимо ставших уже привычными людей, объектов и пейзажей.

Справа от дороги на многие километры тянется смешанный лес. В его глубине находится озеро, которое питают окрестные ручьи, а рядом — старательно ухоженный источник целебной местной минеральной воды с характерным нефтяным запахом. Любители сильных ощущений предпочитают её бюветной. Особенность этой воды состоит в том, что после приёма внутрь стакана этой жидкости, из вас в течение короткого промежутка времени вытекает несколько литров точно такой же прозрачной субстанции, лишённой, правда, её естественного амбрэ. Меня всегда

интересовал вопрос: на какие такие полезные действия расходуется в нашем организме этот нефтяной компонент? Моё уважение к нему растёт пропорционально стоимости барреля нефти на мировом рынке.

Слева от меня в котловине, заполненной лёгким утренним туманом, нехотя просыпается старый курортный городок. Сверху видны разноцветные крыши, извилистые улицы да неправильной формы тёмное пятно парковой зоны. С трёх сторон его окружают невысокие, поросшие лесом горы. Впрочем, горы это сказано громко, так, скорее холмы-переростки, за которыми в настоящее время всё ещё спит местное солнышко.

Я проезжаю мимо старой автобусной остановки, которой давно уже не пользуются по причине отсутствия спроса на этот вид транспорта. В такое время на её полуразрушенной скамейке обычно сидит, кутаясь в тряпье, местный небритый бомжик. Всегда с сигаретой в уголке рта, он при виде меня приветственно машет рукой и широко улыбается беззубым ртом. Интересно, чему может радоваться человек, у которого будущее не простирается дальше сегодняшнего дня? Может, как раз этому обстоятельству... Я машу ему в ответ и нажимаю на педали.

Дорога пролегает мимо санатория для пенсионеров. Его обитателям тоже не спится, но не

от того, что остры нерешённые проблемы, а скорее ввиду их полного отсутствия. Проблемы это жизнь, их отсутствие — это начало конца. Старики сидят на скамейках и молча смотрят на дорогу. Мимо них в дорогих автомобилях проносятся чужие жизни, мимо проезжаю и я, оставив позади эти осколки неведомых судеб. Всему есть своё время, так уж устроен этот не нами придуманный мир.

За поворотом к кольцевой дороге примыкает прямое как стрела второстепенное шоссе, ведущее в сторону столицы местной нефтеносной провинции. Я сворачиваю на него и давлю на педали. По плану у меня в этом месте предстоит резкий бросок километров на шесть и столько же в обратном направлении. На это уйдёт минут двадцать. Мимо проносятся деревья, поляны и, наконец, тот самый Т — образный перекрёсток, на котором я разворачиваюсь и мчусь в обратном направлении.

Вернувшись к кольцевой, я ставлю велосипед под дерево и принимаюсь за дыхательную гимнастику, затем следуют упражнения на растяжку и пятьдесят стандартных отжиманий. Подобный комплекс упражнений я когда-то придумал сам и делаю его каждое утро вот уже двадцать лет независимо от погоды, самочувствия и места моего нахождения. Процедура занимает минут пятнадцать, вроде бы немного, но после этого жизненный тонус поднимается как столбик

ртути в термометре под лучами солнца, как настроение у мужчины, случайно заглянувшего дождливым осенним днём в зал для фитнеса.

И снова передо мной дорога. Уже прошел почти час с того момента, как остались позади ворота санатория. Скоро восход солнца. Я останавливаюсь у обочины и смотрю на самую высокую из окрестных гор. Над её вершиной начинает розоветь небо. Интенсивность сияния нарастает, кажется, всё вокруг замерло в ожидании чуда и вот оно, это мгновение. Некоторая точка на стыке тверди и неба вдруг вспыхивает алым светом и сразу вслед за этим застенчиво и медленно выплывает на свет Божий наше солнышко. Его лучи мягко ложатся на окрестности, пронизывают дымку, которой укутан просыпающийся город, радугой вспыхивают на капельках росы. Я вот уже десять дней подряд наблюдаю этот акт воскрешения, казалось бы, должен привыкнуть, но каждый раз вновь и вновь испытываю то непередаваемое чувство, которое древние греки когда-то называли непривычным для нас словом — катарсис, очищение то есть.

Серая лента хорошо укатанного асфальта монотонно ложится под колёса, чуть слышно шелестят шины, едва заметно вибрируют руки, лежащие на руле. Я знаю, что метров через триста слева от дороги будет небольшая поляна. Каждое

утро в это время на ней девушка в коротеньких синих шортах и белой маечке, которая заканчивается чуть ниже груди, делает восточную гимнастику. Плавные движения, грациозные переходы, упругие мускулы под загорелой кожей — всё это необыкновенно красиво и уместно. Она уже тоже привыкла к тому, что мы на короткое мгновение пересекаемся в этом месте у кольцевой. С каждым днём её улыбка становится всё роднее, и я уже почти свыкся с мыслью, что близок тот день, когда я не смогу проехать мимо, остановлю бег своего велосипеда и сдамся в плен, рассчитывая исключительно на милость победителя.

Сегодня же я машу девушке рукой и посылаю воздушный поцелуй, она охотно возвращает мне его и на секунду застывает в ожидании. Не сейчас, решаю я, заранее об этом сожалея. Хотя, впрочем, ещё будет завтра и, наконец, всегда остаётся бювет, миновать который невозможно в каком бы санатории ты не находился. Слаб всё же человек, но порой не нужно сопротивляться этой слабости, ибо, кто знает, может это вовсе и не дефект сознания, а подарок судьбы.

Дорога идёт на подъём, забирая влево мимо санатория министерства внутренних дел. Его застеклённый корпус залит розовым отблеском восходящего солнца. Неподалёку перпендикулярно к нему высится здание лечебницы для детей с

жутковатым диагнозом «детский церебральный паралич». Их обитатели в сладких объятиях Морфея забыли ненадолго свои горести и радости. Спят мирные менты, расслабившись на отдыхе, спят несчастные мамы возле своих мальчиков и девочек, которым не повезло с рождением, спят все, кто смог оплатить своё пребывание в этом городе короткого счастья.

Я проезжаю мимо корпуса санатория для шахтёров, сворачиваю чуть вправо, затем влево и устремляюсь вниз к греко-католической церкви. Её колокол ещё спит, но скоро и он, проснувшись в умелых руках звонаря, заявит об этом всем, кто может слышать и внимать. Дорога сбегает круто вниз к городской водолечебнице и поворачивает вправо мимо небольшого рынка сувениров. Он закрыт по причине раннего времени, и только городская достопримечательность, баба Христина, сидит на перевернутом деревянном ящике. Днем её рабочим местом является скамейка в сквере, где она читает стихи собственного сочинения, поёт местные песни или просто комментирует текущие политические события. Проходящие мимо люди бросают в картонный ящик, стоящий у её ног, купюры. Это, скорее всего, единственный её заработок, поскольку никто не знает, имеет ли она собственное жильё, получает ли пенсию, и чья она вообще.

Я вижу её каждый раз, когда приезжаю сюда на отдых. За эти годы баба Христина почти не изменилась и кажется неотъемлемой частью окрестного пейзажа. Исчезни она вдруг, и город лишится, вообще говоря, мелочи, просто маленькой человеческой черточки. Сейчас она сидит одна перед закрытыми воротами рынка, подперев седую голову руками. Покрытое морщинами лицо её, без привычной всем дневной бодрости, невесело. Что делает эта совсем уже не молодая женщина здесь в такой ранний час, какие мысли не дают ей спать, не о своей ли бессмысленно прожитой жизни?

Я пересекаю старую улочку, вдоль которой, окружённые зеленью газонов, горделиво застыли обновлённые виллы, построенные ещё в позапрошлом столетии, и вскоре, преодолев небольшой подъём, оказываюсь у ворот своего санатория. Утренние процедуры, душ, лёгкие бежевые джинсы, футболка, невесомые туфли фирмы «Экко» и я выхожу из номера, чувствуя, как здоровье переполняет мой организм и требует выхода. Улицы и улочки, ведущие к бювету, постепенно заполняются обитателями окрестных санаториев и пансионатов. Я вливаюсь в этот поток, как полноправный член местного общества, знающий толк в курортном ритуале. За час до завтрака следует мелкими глотками выпить первую воду, затем получасовая прогулка в парке, вторая

вода, и начинается очередной стандартный день летнего отпуска, проведённого в этих благословенных местах.

Проходя мимо старой беседки в сквере на площади, я ловлю себя на том, что пытаюсь угадать, какое же имя может быть у девушки, по утрам занимающейся восточной гимнастикой у кольцевой дороги: Таня, Ира, Аня или может быть просто — Вика? Согласитесь, ведь это очень важно, как зовут твою будущую подружку, которую я непременно разыщу сегодня у бювета. Я вдыхаю полной грудью насыщенный кислородом утренний воздух, улыбаюсь своим мыслям и ускоряю шаг.

Я искренне надеюсь, дорогая Матильда, что мне удалось передать колорит здешнего утра, настроение и интересы отдыхающих. Чем Вы собираетесь занять себя летом? Есть ли какие-то планы на ближайшие месяцы? Пишите, как всегда с нетерпением буду ждать Вашей конструктивной критики на мои робкие попытки запечатлеть на бумаге те события, случайным свидетелем которых мне приходится быть и которые по неясным причинам остаются в памяти.

Трускавец, 14 июля 2011 год

Всегда Ваш А.Н.

7. Нумерология (Письмо седьмое к несравненное Матильде)

Дорогая Матильда! Незаметно прошёл год, и вот я снова на отдыхе всё в том же благословенном городе, с которым меня связывает так много приятных воспоминаний. Сейчас август, это, как вы знаете, месяц моего рождения. У меня особое к нему отношение, поскольку я уверен в том, что наше появление на Земле — его день, месяц и год — не случайны. Они предопределены всей предыдущей историей и оказывают влияние на ход последующих событий. Человек, по сути, всего лишь недолговечный сосуд, на короткое время обозначающий Настоящее, через который перетекает время из Однозначно Определённого Прошлого в Неясное Будущее.

В подтверждение этих слов, я хочу рассказать Вам об одном происшествии, которое случилось со мной неподалёку от этих мест, в старом польском городишке под названием Сокаль. Надеюсь, оно понравится Вам, прежде всего, тем, что показывает, насколько мало мы знаем, какими возможностями располагает человек, и какова роль сознания в устройстве окружающего нас мира.

Итак, вот эта история.

Есть многое на свете, друг Горацио,
что не подвластно нашим мудрецам

Вильям Шекспир. Гамлет

Остался позади тяжёлый учебный год. Причина этой тяжести имеет несколько составляющих. Во-первых, состоялась защита моей докторской диссертации. Я всегда знал, что это серьёзный этап в жизни человека, но только на следующий день понял, насколько устал от непрекращающейся работы в течение последних восьми лет: без отпуска, без отдыха, без должной релаксации. Во-вторых, моя дочь окончила школу и поступала в университет. Она, конечно же, поступила, но родственники за эти две недели настолько основательно потрепали мои нервы, что я уже готов был кусаться. И вот, наконец, всё позади. Я нахожусь в поезде, который уносит меня далеко на запад, к отдыху, прочь от городской суеты и бесконечной череды проблем: старых, уже полузабытых, и новых, приходящих им на смену. В моём сознании постепенно складывается твёрдое убеждение в том, что как раз в этой смене проблем и заключается смысл нашей жизни: нет проблем, нет и собственно жизни.

На соседней полке купе с газетой в руках лежит Леонид Яковлевич. Это мой учитель, поскольку под его руководством была защищена моя дипломная работа, а затем и обе диссертации, и он же просто мой старый надёжный товарищ. Иногда я поражаюсь разносторонности его знаний: от лёгкой французской поэзии, к которой он по неясным для меня причинам равнодушен, до сложных постулатов квантовой физики и проблем философии. Мы часто отдыхаем вместе, находя интересные темы для разговоров.

Конечный пункт нашей поездки находится под Сокалем, маленьким старым польским местечком. Когда-то здесь даже размещалась королевская резиденция, но в настоящее время это достаточно провинциальный городок и одновременно центр угольной промышленности на западе страны. Наш университет и шахты давно уже связаны договорными обязательствами в части выполнения научных исследований. Я лично знаю всё местное руководство, их дети, идя по стопам родителей, как правило, учатся горном делу и, таким образом, мы всегда рады видеть друг друга. Вот и сейчас, поезд прибудет во Львов, там будет ждать машина, которая доставит нас в местный ведомственный санаторий. Здесь мы оплатим путёвки, и три недели будем совмещать отдых с поездками на шахты, где ведутся наблюдения и где

уже несколько дней работают мои сотрудники, находясь в командировке.

Домики в стиле «шале», среди которых нет двух одинаковых, стоят в смешанном хвойно-лиственном лесу. Они вытянуты вдоль гребня водораздела в одну плавно изгибающуюся линию. Ниже этой линии находится столовая, корпус для отпуска процедур и искусственный пруд с островком в центре. По периметру пруд зарос камышом, вода изобилует водорослями и лягушками, а в центре островка находится симпатичная беседка, попасть в которую можно по узкому мостику. По вечерам, когда ночная тьма делает неразличимыми лица, сюда приходят отдыхающие противоположного пола и целуются со страстью, пугающей местную живность, которая в большом количестве обитает в зарослях на берегу.

Двухэтажный домик, в котором мы обычно останавливаемся, стоит последним в ряду. За ним начинается лес, пронизанный тропинками, вдоль которых часто тянутся заросли ежевики. Если не полениться и раздвинуть шершавые, чуть припавшие пылью листья, то под ними можно увидеть тугие чёрные ягоды: сочные и необыкновенно вкусные. Одна из тропинок ведёт к озеру.

Этот симпатичный водоёмчик, имеющий форму изогнутого овала, расположен посреди поля,

заросшего спорышем. За ним справа на расстоянии, примерно, полутора километров виднеется кромка леса, а между озером и лесом простирается равнина, на которой в сложном беспорядке разбросана цепь сообщающихся друг с другом болотистых озёр с прозрачной холодной водой, которые питают подземные источники. На поверхности воды плавают жёлтые кувшинки и белые лилии. Берега и островки увенчаны зарослями камыша и редкими деревьями. Здесь живут лебеди неописуемой красоты с маленькими серыми малышами и много-много иной живности: утки, ондатры, пичужки разной величины и окраски. Местные парни и девушки часто приходят сюда поупражняться в любви на мягком ковре из трав, сплошь покрывающем землю. Здесь много таких укромных местечек. И тогда не только птичье пение нарушает тишину этих заповедных мест.

Вот здесь, среди леса и озёр, в домике типа «шалы» мы и будем приводить в состояние равновесия наши организмы, ослабленные стрессами и тяжёлым городским воздухом.

Быстро миновали первые пять дней. Мы втянулись в размеренный процесс санаторной жизни, в целом уже отдохнули и познакомились с тем небольшим количеством отдыхающих, которые приехали сюда, влекомые единственным желанием сменить обстановку и оздоровиться подальше от

дома. Как-то в полдень мы вышли из столовой. Мой коллега отправился получить полагающийся ему массаж, а я решил пройтись после обеда к соседнему санаторию.

Лес с залитыми солнцем полянами был пуст, и только на скамеечке у футбольного поля с книгой в руках сидела немолодая женщина. Я давно обратил на неё внимание, уж больно отличалась она от окружающей публики. В ней всё было необычно: неизменно доброжелательное выражение лица, свойственное хорошо воспитанным интеллигентным людям старой закалки, покрой платья, шляпка, веер. Среди обитателей санатория она выделялась так, как выделяется синичка, случайно затесавшаяся в общество воробьёв. Оторвавшись от книги, она заметила меня и улыбнулась. Я не мог пройти мимо, просто поздоровавшись, и остановился:

— Добрый день, отдыхаете после обеда?

— Дзень добжий, одпочиваю, — ответила она, — пан здесь на отдыхе?

В этих местах, сравнительно недавно отошедших к Украине после войны, многие говорили на забавной смеси польского, украинского и русского языков.

— Да, на отдыхе. Мы здесь с моим учителем, отдыхаем и работаем немного.

— Пшепрашам, и как вам удаётся всё то

совмещать?

— Это несложно, мы работаем в университете, на местных шахтах ведём исследования, а живём вон в том домике на краю леса. А вы как здесь оказались, если не секрет?

— Не секрет, мне внуки купили сюда путёвку, отдохнуть от домашнего однообразия. Я живу не так далеко, на окраине Сокаля, в старом доме, который построил ещё мой дед.

После этих слов она чуть более пристально взглянула на меня:

— Он был польский шляхтич, как и его родители.

— Стало быть, в ваших жилах тоже течёт дворянская кровь, — полуутвердительно, полувопросительно заметил я.

— Да. Пан считает, что то естам плохо?

— Отчего же, я думаю, что это обстоятельство нисколько не умаляет ваших человеческих качеств, скорее наоборот. А кем, простите, вы работали?

— О, молодой человек, это было лет двадцать назад, ещё до пенсии. Тогда я работала учительницей в местной школе, преподавала немецкий язык.

— Вы закончили университет?

— Конечно, в нашей семье все получали университетское образование. Я родом из Кракова, училась в Ягеллонском университете, на

философском факультете.

— О, это серьёзное учебное заведение, одно из старейших в мире, насколько я помню.

— Да, пан знает об этом университете?

— Конечно, кто же не знает Ягеллонский университет, это всё равно, что не знать, что такое Сорбонна, Кембридж, Оксфорд.

— Я рада, что вы так мыслете.

— А как же вы преподавали немецкий язык, не имея специального образования?

Она опять неуловимо улыбнулась:

— Я досконало владею немецким, английским и французским мовами. Такое тогда было воспитание, молодой человек.

— У вас и вашей семьи, — обронил я.

— Пшепрашам, цо то значит — «у вас»?

— Мне кажется, далеко не все тогда имели возможность получить такое образование.

Она задумалась немного, но потом довольно легко согласилась:

— Да, конечно, сейчас, мушу вызнать, возможностей учиться тераз значительно больше. Кстати, молодой человек, и как же вас зовут?

— Александр, простите, что не представился сразу.

— Саша, значит, я могу вас так называть?

— Конечно, ради Бога, буду только рад.

— Меня зовут Ева Брониславовна, спасибо,

что развлекли одинокую кобету. Будете проходить мимо, рада буду пообщаться с вами. Мои дети, да и внуки тоже, заняты своей жизнью, работают во Львове, а я живу здесь, одна в большом доме. Пан не знает, но я часто неделями ни с кем не общаюсь. Так уж получилось, — виновато добавила она.

— Ева Брониславовна, я с удовольствием разделю ваше одиночество и познакомлю с моим учителем. Его зовут Леонид Яковлевич, и он знает бездну стихов французских поэтов. Уверен, вы понравитесь друг другу.

— Хорошо, Саша, а сейчас, пшепрашам, мне пора на процедуру.

— Вас проводить?

— Нет-нет, что вы, мне много лят, спору нет, но ходить самостоятельно я ещё могу. До видзенья, Саша.

Так я познакомился с Евой Брониславовной Тышкевич, удивительно интересной женщиной, следы прошлой красоты которой и сейчас, когда ей было почти восемьдесят, отчётливо просматривались сквозь паутину возраста. Я представил её моим приятелям. Она легко и непринуждённо влилась в нашу компанию, где самый старший был лет на двадцать моложе её. Она понимала наш юмор, мы — её. Мы все были людьми одного круга.

Однажды, когда наш отпуск уже подходил к

концу, день не задался. С ночи шёл дождь, а утром обозначилось небо, сплошь затянутое низкими тучами. В общем, достаточно привычные нюансы погоды для этих мест. Все наши уехали в Червоноград, а я остался в санатории. Мне не терпелось закончить статью, начатую ещё в Днепропетровске. Я довольно хорошо поработал и к обеду уже имел первый законченный её вариант. Оставалась лишь шлифовка текста. Эту часть работы я любил больше всего за элементы чисто литературного творчества, благодаря которым текст начинал течь, переливаться живой человеческой, а не академической, речью. В самый разгар процесса подбора синонимов и конструирования фраз раздался стук в дверь.

— Войдите, — крикнул я, не поднимая головы. Дверь скрипнула, и за ней оказалась Ева Брониславовна в своей очередной неизменной шляпке.

— Пшепрашам, Саша, я не вовремя?

— Что вы, что вы, проходите, пожалуйста. Только, ради Бога, я сейчас закончу и приготовлю нам кофе. Почитайте, вот свежая газета.

— О, Матка Боска! Саша, это я с большим удовольствием приготовлю нам кофе, пока вы работаете. То будет кофе по нашему фамильному рецепту, его придумал ещё мой дед и вам сподобается его вкус.

Минут через двадцать по комнате плыл удивительный запах свежесваренного кофе, мы сидели за столом и вели неспешную беседу ни о чём. Вдруг Ева Брониславовна взяла лист бумаги, лежавшей на столе, ручку и спросила:

— Скажите, Саша, а как вы относитесь до змоги взглянуть на своё будущее?

— Вы имеете в виду гадание на картах?

— Не только, способ не мает значения, просто скажите, как вы относитесь до самой возможности заглянуть в собственное будущее. Вы верите, что это можно сделать?

— Знаете, я никогда не думал об этом. Мне не просто ответить на этот вопрос, а поверхностных ответов я, сказать откровенно, не люблю. Хотя, вот так, навскидку, мне кажется немислимой сама возможность такого действия: никому не дано увидеть своё или чужое будущее. Ведь зная, что произойдёт в будущем, мы можем влиять на него сейчас, в настоящем. Но тогда события в нашем будущем не будут постоянными, его структура будет меняться, а, следовательно, будет меняться и настоящее, поскольку они взаимоувязаны. Будет нарушена гармония в этом мире. Нет, я не верю в возможность столь глобально управлять течением даже одной только собственной жизни, не говоря уже о посторонних судьбах. Я фаталист, Ева Брониславовна, и верю в то, что основные вехи

нашей жизни, её ключевые события записаны где-то там наверху, в книге жизни, и изменить их никому не дано, как бы сильно нам этого не хотелось.

— А как же тогда Кассандра, Мессинг, Ванга и, наконец, библейские пророцтва?

— Простите, Ева Брониславовна, но я учёный и не могу поверить в нечто такое, что нельзя воспроизвести повторно независимо несколькими людьми.

— Добже, пусть будет так. Вы ещё молоды и вам не просто поверить в то, что кроме привычных для нас знаний существуют и особые, герметические, знания, которые имеют инну природу и с которыми связаны инные возможности человека, пока ещё не раскрытые даже на доли процента.

Возможно, когда-то существовали цивилизации, жизнь которых была полностью основана именно на таких знаниях. В них верили древние философы, Пифагор, в частности. Ему, кстати, принадлежит способ проникновения в будущее по дате рождения человека. Он был уверен, что момент рождения человека очень тесно связан с его будущей жизнью. Для этого он создал целую науку — нумерологию. Хотите, я по методике Пифагора, которую немного усовершенствовала, сделаю для вас прогноз

будущего?

Мне было неловко отказать немолодой симпатичной женщине, которая столь искренне верила в возможность безнаказанно заглянуть в будущее.

— Хорошо, я согласен. Что мне нужно сделать для этого?

— Ничего особенного, назовите мне день, месяц и год вашего рождения.

Я сказал, она стала что-то чертить. На бумаге появилась система координат. Вертикальная ось была равномерно разбита на отрезки от нуля до единицы, горизонтальная — от нуля до ста. Ева Брониславовна объяснила, что по вертикальной оси отложены уровни жизненной силы, а по горизонтальной — годы жизни.

— Уровень собственной жизненной силы у любого человека не может быть больше идеала, то есть единицы, — объяснила она, — а вашу жизнь мы проследим до ста лет.

— Спасибо, Ева Брониславовна, за вашу щедрость, сто лет это очень немало, я бы согласился и на восемьдесят.

— Шутите? Теоретически вы можете жить и больше ста лет. Вы знаете, Саша, что древние жили гораздо дольше нас? Даже тысячи роков.

Я усмехнулся:

— Тысячи лет... не знаю, хорошо ли это.

Такая жизнь вполне может оказаться наказанием Господним: за это время уйдут друзья, дети, внуки

...

— Не стану спорить, хотя если жить полноценной жизнью, так почему бы и нет: время лечит любые раны.

— Возможно, только что-то немного я встречал людей, которым повезло сохранить разум и здоровье до глубокой старости.

— Да, кстати, и нумерология тоже редко кому даёт такую змогу. Лично у меня таких прогнозов ещё не было, поэтому-то на горизонтальной оси я никогда и не откладываю более ста лет. А теперь, Саша, позвольте мне сосредоточиться, я буду делать вычисления.

Я не стал ей мешать и вышел на балкон. Дождь перестал моросить. Но воздух был так густо напоен влагой и запахами, что им можно было умываться. Звон капель, падающих с листьев и крыш, да птичьи голоса заполнили пространство. Небо понемногу стало очищаться от тяжёлых туч. К вечеру день обещал стать по-настоящему летним. С высоты второго этажа было видно, как по тропинкам стали перемещаться люди.

На скамейку вспрыгнул огромный рыжий кот — хозяин окрестностей. Оглядевшись по сторонам, он стал неторопливо умываться. Пробегаящий мимо мальчишка остановился и протянул к нему

руку. Кот прервал своё занятие, подумал и резко цапнул его лапой. Мальчишка отдёргнул руку, засмеялся и убежал. Кот проводил его взглядом умудрённого жизнью существа, вздохнул и постепенно продолжил приводить себя в порядок в преддверии наступающего вечера.

Голос Евы Брониславовны вернул меня от созерцания к действительности. Я вернулся в комнату. Перед женщиной на столе лежал лист бумаги с нанесённым на него графиком.

— Посмотрите, Саша, что у меня получилось. Признаюсь, я удивлена.

Я склонился над столом. Кривая на графике моей судьбы начиналась с ординаты 0,4. Затем линия медленно поднималась и к двадцати годам её ордината приняла значение 0,8. К двадцати восьми-тридцати годам кривая резко упала до значения 0,3, после чего стала медленно подниматься и к тридцати восьми-сорока достигла ординаты 0,9. Потом она резко упала до нуля к сорока одному году, после чего опять стала плавно повышаться, достигла значения 0,9 к пятидесяти годам и продолжала крайне медленно расти к семидесяти, восьмидесяти и далее, асимптотически приближаясь к единице где-то далеко за сотней лет.

Такая вот забавная получилось картиночка моей жизни. Сейчас мне было сорок, и чувствовал я себя очень даже неплохо. Женщина с чуть заметной

улыбкой смотрела на меня:

— Что скажете, Саша?

Я отошёл от стола, потёр затылок:

— Ну, что вам сказать, Ева Бориславовна: если предположить, что всё это действительно происходило и может произойти со мной, то меня должны радовать отдалённые перспективы и заставить серьёзно задуматься дела ближайших лет. Простите, вы в самом деле верите во всё это?

— Конечно, Саша, я никогда ещё не ошибалась в своём прогнозе.

Это было сказано с такой силой убеждённого в своей правоте человека, что мне стало немного не по себе. Я с новым интересом вновь обратился к рисунку.

Мне вспомнились рассказы моей матери о том, что я родился проблемным в смысле здоровья ребёнком и лет до четырёх меня усердно выхаживали, используя весь имеющийся в наличии скудный на то время арсенал традиционной и нетрадиционной медицины. До сегодняшнего дня это были всего лишь отвлечённые рассказы о времени, воспоминания о котором полностью исчезли из моей памяти, но сейчас они обрели не только смысл, но и количественное выражение — сорок процентов от максимально возможного значения.

Когда мне исполнилось двадцать семь лет, я

вновь оказался в очень тяжёлом положении, причина которого кралась, опять-таки, в очередной проблеме со здоровьем. И если предыдущую ситуацию я просто не помнил в силу младенческого возраста, то эту я запомнил достаточно хорошо, поскольку эта больничная эпопея выбила меня из рабочего состояния на два бесконечно долгих года и, вообще говоря, разделила мою жизнь на две неодинаковые в смысле её качества части.

Два провала на графике, который нарисовала Ева Брониславовна, в точности соответствовали этим двум периодам моей жизни. Было от чего задуматься. Я поднял глаза на сидящую передо мной женщину:

— Скажите, пожалуйста, а что означает нулевой уровень жизненной силы к сорока одному году моей жизни? Это то, о чём я думаю?

Она чуть заметно усмехнулась:

— Скорее всего, да, это то, о чём пан мыслит.

— Н-да, — как-то нерадостно отреагировал я на её ответ, — такая информация не очень располагает к веселью. Так, что получается, что к сорока одному году я уже буду в лучшем мире?

— Не совсем так, у вас действительно будут серьёзные неприятности в отношении вашей жизненной энергии. Я не могу вам сказать, с чем это будет связано: здоровье, автомобильная авария или что-то ещё, но только в результате этого

события вы ненадолго как-бы прикоснётесь к границе нашего мира. Такое состояние продлится недолго, обратите внимание: дальше ваш жизненный потенциал постоянно увеличивается, обещая вам долгое пребывание здесь, на Земле. Я никогда ещё не видела такого графика: судьба как-бы посылает вам трехкратное испытание, но затем, словно в подарок, дарит долгую жизнь здорового человека.

В комнате воцарилось молчание, было отчётливо слышно, как монотонно насвистывает маленькая славочка в кустарнике за окном, да всё реже падают капли на жестяный козырёк крыши балкона. Солнечные лучи пробились, наконец, сквозь тучи и через распахнутые окна косыми светлыми пятнами легли на стол, кровать, низ стены. В атмосфере явно наметились изменения к лучшему, чего нельзя было сказать о моём настроении. Всё таки не каждый день узнаёшь, что через год-другой тебе суждено будет взглянуть на грань, отделяющую эту вселенную от мира иных, образно говоря, физических состояний.

Тишину нарушила Ева Брониславовна:

— Саша, поверьте, вы напрасно так расстроились. У вас всё будет хорошо. Вы будете долго и, я уверена, интересно жить.

— Возможно, что всё так и будет происходить, у меня нет оснований не верить

вашему методу, но только теперь я постоянно буду об этом думать и стараться не спровоцировать третий пиковый случай в моей жизни. Что-то у меня нет особого желания заглядывать туда, куда не просят. А это, как вы понимаете, не очень украсит мою жизнь.

Ева Брониславовна поднялась из-за стола:

— Вы преувеличиваете, через несколько дней острота ощущений от прогноза уменьшится, а потом и вовсе исчезнет. Так уж устроена душа человека. А потом придёт время, и всё сложится так, как нам предначертано судьбой, её нельзя изменить. Впрочем, кого я убеждаю, ведь вы же фаталист, как сами сказали. Господи, что это я разговорилась, мне ведь на процедуры нужно. До споткання, Саша, до вечера.

— До вечера, Ева Брониславовна.

Прошло ещё несколько дней, и настала пора уезжать домой, к семье, к работе. Ева Брониславовна покидала санаторий на день позже. Мы попрощались у автомобиля, который должен был увезти нас к поезду во Львов.

— До свидания, — сказал я ей, — надеюсь, что мы увидимся с вами в будущем году, а то может и раньше, если случится командировка.

Женщина в очередной затейливой шляпке, грустно улыбнулась и покачала головой:

— Прощайте, говорю я вам, Саша, и большое

спасибо за то, что украсили моё пребывание в этом санатории. Мне было интересно в вашей компании, я давно так хорошо не отдыхала.

— Что за настроение, Ева Брониславовна? Вы здоровы, насколько я понимаю, и прекрасно выглядите. Мы непременно увидимся с вами, вот увидите.

Она мягко взяла меня под руку:

— Саша, я давно составила график моей жизни и точно знаю: она оборвётся в этом году. Так что, прощайте, мой друг, я рада нашему знакомству. И, проше пана, не нужно утешений. Я прожила довольно длинную жизнь, и готова без боязни её завершить. С сожалением, но без боязни.

Мне нечего было возразить, я попросил её телефон, она продиктовала пятизначный номер и мы расстались. Её фигура с поднятой в прощальном жесте рукой медленно стала уменьшаться в заднем стекле автомобиля.

На следующий день к полудню мы были уже у себя в городе. Домашние хлопоты, работа, начало учебного года отодвинули на задний план летние ощущения, и только через две недели я вспомнил, что нужно позвонить в Сокаль. Телефон долго молчал и только к полудню мне ответил мужской голос. Это оказался сын Евы Брониславовны. Я представился и сказал, по какой причине звоню. Он помолчал, а потом сообщил, что его мать умерла

пять дней назад. Инфаркт, она легла спать и не проснулась. Слава Богу, лёгкая смерть, как бы в награду за непростую жизнь, прожитую этой женщиной. Я принёс свои соболезнования и положил трубку. Оправдалось ещё одно предсказание, сделанное Евой Брониславовной на основе усовершенствованного ею древнего метода нумерологии.

В первый же свой приезд в Сокаль — это случилось глубокой осенью того же года — я навестил могилу Евы Брониславовны. Семейный склеп Тышкевичей находился в глубине старого, заросшего деревьями и травой, польского кладбища. Здесь она и была похоронена. Насколько я понимаю, это было последнее захоронение представителей этого шляхетного рода, поскольку дети её и внуки давно покинули эти места, и вряд-ли когда сюда вернутся.

Я положил розы к подножью покрытой пятнами тёмно-зелёного мха плиты, закрывающей вход в усыпальницу, молча постоял, припоминая наши беседы, вечерние прогулки по лесным тропинкам в окрестности санатория, занятия нумерологией. Скоротечна жизнь человеческая и, наверное, её несколько не украшает знание о том дне, когда прервётся это течение. Хотя, права была Ева Брониславовна, время нивелирует остроту ощущений, и я заметил, как всё реже стал